

ХИМЕРА

ВОВА БО

18+

Вова Бо

Химера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68486629

SelfPub; 2022

Аннотация

Я живу в районе, в котором всем заправляет бандитский синдикат. В секторе, куда сбрасывают отребье со всего города. В городе, где каждый только и ждет, чтобы ударить в спину. В мире, где за стенами лишь радиационные пустоши, да кошмарные твари. Как выжить среди монстров, когда те, что живут в соседних домах, порой хуже тех, что за стеной? Очень просто. Надо быть самым злобным из них.

Содержание

Том 1.	4
Глава 1. Шесть корейцев и одна собака	4
Глава 2. Один красный, три зеленых	13
Глава 3. Бледный Грустный Билл	25
Глава 5. Вопли на фоне фейерверка	53
Глава 6. Путь в лучшую смерть	66
Глава 7. Добро пожаловать в сектор «Восемь»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вова Бо Химера

Том 1.

Глава 1. Шесть корейцев и одна собака

Кажется, это чья-то оторванная рука. Почему рука? Потому что стоило мне открыть глаза, я увидел вязь татуировок и мясистые пальцы, украшенные перстнями и кольцами. Почему оторванная? Потому что если я уснул, подоткнув под голову чью-то мужскую руку в качестве подушки, значит ее хозяину она уже не нужна. А на этом диванчике явно не хватит места нам двоим. Мне и одному-то маловато.

С трудом оторвав голову, приподнялся на локте и заглянул через спинку. Твою же восьмерочью мать. Да чтоб меня со стены обоссали. Я оглядел комнату, в которой находился, и ничем хорошим это не пахло. Повсюду кровь, трупы и битая мебель.

Уронив голову обратно на чью-то руку, скривился от боли. Во рту словно кошки нагадили. И башка гудит хором зло-

радных демонов. Может еще пару часиков поспать, чтоб отпустило?

За владельца руки и остальные тела в комнате я не сильно переживал. Хорошая восьмерка –дохлая восьмерка, это все знают. Чтобы ни случилось этой ночью, вряд ли кто-то будет плакать по этим ребятам. И уж точно это буду не я.

С трудом перевернувшись на спину, с наслаждением потянулся и зевнул. Диван для меня маловат, так что спать пришлось свернувшись калачиком. Тело занемело, а кости ломило. А еще в помещении было очень холодно. Только сейчас я понял, как замерзла за ночь спина. Откуда тут так дует? Повернув голову, прошелся взглядом от дивана до самого окна.

Рука. Как я и предполагал, оторвана по самое плечо. Вроде бы даже не отрублена и не откусана, а именно вырвана из тела. Причем, судя по размерам, хозяин был немаленьким.

Дальше стол, заваленный окурками, засыпанный пеплом, залитый алкоголем. На краю стоит початая бутылка виски, а вокруг все забрызгано кровью. Красная, значит человеческая. Но это не точно.

Напротив меня валялось несколько опрокинутых кресел. Красивый персидский ковер теперь отличался от прочих замысловатым багряным узором. И лежал скомканным у самого окна. Которого почему-то не оказалось на месте. Огромное панорамное стекло от пола до потолка, которое должно было защищать внутреннее убранство комнаты от непо-

годы, просто отсутствовало. Вместо него хищными клыками по краям проема торчали осколки стекол разной длины.

Слева у стены сидело человеческое тело без головы. Она, вместе со всем содержимым, равномерно была размазана по этой же самой стене. Больше ничего интересного мой взгляд не выцепил, поэтому я принял волевое решение перевести свою тушу в подобие вертикального положения. От этого движения черти в голове взвыли радостным воплем, попеременно тыкая вилами в черепную коробку изнутри.

Но у меня была четкая и ясная цель, так что никакие преграды не могли остановить на пути к ней. Я дотянулся до бутылки виски на столе и с наслаждением опрокинул ее в себя. Сделав пару больших глотков, поперхнулся и зашелся кашлем. Не от крепости алкоголя, хотя пошло оказалось добротным. Снова запрокинув голову, внимательно уставился на потолок комнаты.

Пришлось немного покрутить головой, чтобы убедиться. Я даже пару раз моргнул, но зрелище никуда не пропало. От самого окна через всю комнату по потолку шли глубокие следы когтей. Какая-то тварь неистово царапала поверхность, оставляя в ней сотни борозд. Путь ее пролегал от центра панорамного окна, доходил до кресел, потом делал крюк, словно огибая стол, и уходил в сторону выхода. Какая тварь у нас умеет ходить по потолку? Столько вопросов...

Я снова приложился к бутылке, наслаждаясь огненными змеями, расплзающимися по телу. Откинулся на спинку ди-

вана, приходя в себя. Боль в голове постепенно отступала. Медленно посмотрел по сторонам.

На сломанном бильярдном столе валялось тело с неестественно повернутой шеей. Из противоположной стены торчали чьи-то ноги и часть спины. Причем конечности не доставали до пола. Остальная половина человека должно быть торчит с другой стороны. Веселая здесь была вечеринка, жаль, что не помню ничего.

Мой взгляд упал на столешницу. Аккуратно разгреб пепел и окурки в разные стороны и уставился на аккуратную горку розового порошка. Что-то мне подсказывает, что я знаю, зачем приходил сюда вчера. Попытки напрячь память отозвались новыми приступами боли. Сделав еще пару глотков, с сожалением посмотрел на оставшиеся полбутылки. Огляделся вокруг, но не нашел ничего подходящего.

Пришлось вставать. С огромным наслаждением разогнул спину, услышал, как хрустнули затекшие позвонки. Немного покрутил корпусом, поводил плечами, разгоняя застоявшуюся кровь. Огляделся вокруг более внимательно.

У дальней стены лежал здоровенный мужик с вырванным горлом. Белая рубашка залита подсыхающей кровью, а на штанах расплылось темное пятно. Вот значит от кого попахивает. В коридоре, ведущем к выходу, лежало еще одно тело, но там слишком темно, чтобы что-то разобрать.

Я подошел к трупу на бильярдном столе. У него, кстати, не хватало правой руки. Я пригляделся к ране, выглядываю-

щей из-под разодранного пиджака. Ну, вроде бы подходит. Хоть одну загадку этой ночи мы сегодня решили. Подойдя ближе, аккуратно сунул руку под одежду. Ощупал карманы и вытащил платок, ключи, зажигалку и смятую пачку сигарет. Выбросив мусор, вернулся к столу.

Аккуратно ссыпал порошок в ткань платка. Эта штука явно забористая, раз смогла вырубить меня на всю ночь. Да так, что я ничего не помню. Грех разбрасываться столь полезными подарками. Не часто Слепая Сука одаривает жалкую восьмерку такими щедротами.

Аккуратно сложив и убрав платок в карман, я подхватил бутылку и двинулся в сторону двери, видневшейся в углу. Чуть не споткнулся о еще одно тело, что валялось прямо за диваном. Да сколько же вас тут?

Этот выглядел вполне целым. Рожа вся в крови, сквозь которую проглядывают свежие следы гематом. Да и харя у него как-то слишком сильно опухла, словно в гнездо с пчелами засунули. Но никаких ран не видно. Я на секунду даже подумал, что неплохо было бы проверить пульс у тела. Но потом вспомнил, что мне насрать, и пошел к двери.

За нею, как я и предполагал, находилась небольшая ванная комната. Тут тоже все было заляпано кровью, но как-то по мелочи. Раковина чистая, словно кто-то вчера ночью зашел сюда умыться. После естественных потребностей я решил последовать примеру возможного предыдущего посетителя и открыл кран.

Холодная вода прогнала остатки сонливости и смыла налипший на лицо слой пота и уличной пыли. Жаль не нашлось зубного порошка или еще чего. Запах кошачьей мочи во рту не мог перебить даже хороший виски. Кстати об этом. Бутылку я прихватил с собой, так что сделал еще один глоток.

Но вместо того, чтобы позволить жидкости добраться до пищевода, я принялся полоскать ею рот. Задумавшись на мгновение, все-таки сплюнул в раковину и вырубил воду. Сделал еще один глоток, на этот раз полноценный. Развернулся и снял махровое белое полотенце, застиранное почти до дыр.

Из-под него на меня уставилась искривленная рожа с выпученными глазами. Рот раскрыт в немом крике, и воняет оттуда явно не фиалками.

– М-да, со спины ты выглядел лучше, – усмехнулся я роже.

Забавно, что тело не просто пробило стену, но и торчало так, что мы с трупом смотрели друг другу в глаза. А я был далеко не маленького роста. И кто мог тебя так припечатать-то?

С сомнением посмотрел на свои огромные руки. Напряг и расслабил бицепсы.

– Да не, – отмахнулся я. – Хорош, но не настолько же.

Вернувшись в комнату, наконец осознал, что меня разбудило. Звук полицейских сирен, что доносился через выбитое окно, стал громче и отчетливей. Еще раз огляделся во-

круг. Однорукий на бильярдном столе. Урод в стене. Безголовый возле окна, да обмочившийся парень, что уже никогда не станет певцом. Ах да, еще любитель меда, что чилит под диваном. Итого пять.

Заглянул в коридор. Вцепившись в дверную ручку, на полу лежал еще один труп. Подойдя ближе, я смог рассмотреть тяжелую мраморную пепельницу, выполненную из цельного куска. Предмет наполовину вошел в череп человека. А судя по вмятине на стальной двери, от удара парня еще и нехило рожей припечатало.

Шесть значит. Плюс неведомая тварь, что изрезала потолок. Хороший тут у них тамада на вечеринке. И конкурсы забавные. Жаль только компания оказалась одноразовой. Я вернулся к окну. Шум в голове почти улегся, но заунывное пиликанье сирен сильно нервировало.

Все трупы имели схожие восточные черты. Много татуировок, в том числе и на лицах. Следы когтей обнаружили еще и на полу. А горло бедняге вырвал скорей всего Ночной Пес. Да и царапины подходят. Только вот они не умеют игнорировать некоторые законы физики. Например гравитацию.

Остановился я на самом краю, с наслаждением вдохнув свежий утренний воздух. Ничто так не бодрит с утра, как запах химических удобрений и испарений от мусоросжигательного завода. Отравленный воздух, которым дышишь дольше, чем себя помнишь. Что может быть чудеснее?

За спиной раздался какой-то шум. Пикнул электронный

замок, шелкнули магнитные заглушки на двери. Началась какая-то возня.

Я тем временем смотрел вниз. Всего пятый этаж, не так уж и высоко. Копы вот-вот сдвинут тело заядлого курильщика и ворвутся сюда. А потом пойдут угрозы, требования встать на колени, уткнуться мордой в пол. А следом и тупые вопросы. Кто такой, чего здесь забыл? Почему на полу, в зеркальных лужицах крови только твои следы от ботинок? И все в таком духе.

Но пока они пытаются сдвинуть мертвое тело, я наблюдаю улицу с высоты своего этажа. Там уже засветились желтые голограммы заградительных лент, что окружают участки еще с двумя телами. Внизу суется люди в форме. За спиной суется люди в форме. А я сделал еще один глоток, наслаждаясь видом утреннего города. Когда еще получится понаблюдать за рассветом?

– Стоять на месте! – раздался незнакомый голос за спиной. – Руки за голову, встал на колени!

Я услышал звук заряжаемого бластера. Это коп прицелился мне в спину из плазматического пистолета. Один выстрел – и моя голова украсится дырой диаметром в несколько сантиметров. Знал же, что так и будет. Приказы, требования, еще угрозы сейчас понесутся.

– Полицейский Департамент Восьмого Сектора. Если не подчинитесь, мы откроем огонь на поражение.

Я медленно поднял правую руку и оттопырил средний па-

лец. Надеюсь, они понимают универсальный язык жестов.

Глава 2. Один красный, три зеленых

– Ты оглох, восьмерка? На колени или я тебе мозги проплавлю.

– Дэниэль, стоять.

Но Дэниэль не слушал старшего лейтенанта, который пытался остановить горячего парня. Вместо этого Дэниэль приближался ко мне, чтобы демонстративно ткнуть дулом плазматиического пистолета в затылок. Как будто этот жест заставит меня осознать все грехи и тут же раскаяться.

Я слышал шаги, хлюпающие по лужам крови. Слышал яростное пыхтение приближающегося полицейского. В какой-то момент я даже различил мерное гудение заряженного и готового к стрельбе бластера. Значит Дэниэль подошел вплотную и целится мне в затылок. И сейчас он демонстративно толкнет мою голову стволом пистолета.

Отшаг в сторону, одновременно легкий толчок локтем. Скосил взгляд, наблюдая, как воздух со слюнями вылетает изо рта парня. Он легко теряет равновесие, когда его оружие не находит цели.

Хватаю омерзительно красную ленту галстука и дергаю рукой вперед. Коп летит следом и почти выпадает из окна. Но я замираю, не давая ему соскользнуть. Ногами он упирается в самый край, ботинки ломают остатки стекла. А вот тело копа нависает над далекой землей так, что лишь тонкая

красная лента галстука в моей руке не дает ему упасть.

Меня заметно пошатывало после веселой ночи, так что я чуть было не выронил копа, который оказался не таким уж и легким. Пришлось напрячь все тело, не давая парню выпасть из окна.

– Пр-ри-с-стре-лю, – хрипит он, целясь в меня дрожащей рукой.

– Ну давай, – усмехнулся я, делая медленный глоток из бутылки. – Тут не высоко, парой переломов отделаешься, если повезет.

– Отпусти его, – раздался властный голос из-за спины.

– Освальд, дружище, – улыбнулся я старшему лейтенанту. – Как жизнь? Все жопы хозяев вылизал? Что это тебя заставило подняться так рано и приехать через весь город?

– Отпусти его, Восьмой. Нормально отпусти. Не вынуждай меня...

– Не вынуждать что? – спросил я, глядя на красное лицо паренька. Натянутый галстук удавкой сдавил ему шею. – Что, Освальд, пристрелишь меня?

– Я при исполнении, я буду вынужден...

– Вынужден что, лейтенант? – спросил я настойчивей.

– Вынужден доложить.

– О нет, – картинно запричитал я. – Только не это.

Рывком втянул полицейского обратно. Тот упал в лужу крови и распластался по полу, пытаясь стянуть с себя галстук. На покрасневшей шее уже взбугрились вены, а глаза

лезли из орбит. Коп сипел, дергался, но в какой-то момент все же смог освободиться, втягивая в легкие воздух.

– Убью, – крихтел он. – Нападение... При исполнении... Тварь.

– Новенький, что ли? – спросил я Освальда.

– Вчера перевели.

– А чего в курс дела не ввел?

– Я не думал вас знакомить. И здесь не ожидал тебя встретить, – насупился лейтенант. – Это не твоя территория, так что мы тебя могли и пристрелить ненароком.

– Не могли, – бросил я, присаживаясь на корточки.

Новенький уже смог приподняться, но онемевшие руки скользили по полу. Ну и кто из нас на коленях?

Странно, я только сейчас понял, что тут почти нет битого стекла. Хотя мы у самого окна находились. Повернулся обратно к копу и оглядел его внимательней.

Видимо, крутой парень. Тело держит в форме, рожа смазливая, но оружие не уронил. Кожа чистая, а дышит глубоко. Значит легкие не повреждены. Сразу видно, что пришел к нам из сектора, в котором воздушные насосы работают исправно.

– Добро пожаловать в восьмой сектор, новичок, – хлопнул я его по плечу, отчего парень снова распластался на полу, забавно дергая ногами. – Держи язык за зубами и проживешь чуть дольше. Бесплатный совет, не благодари.

Я поднялся на ноги и медленно пошел в сторону двери.

Помимо новенького и лейтенанта в комнате был еще один полицейский. Роба знакомая, хоть и позеленела, но имя не помню. Главное, что больше никто не тыкал в меня бластерами.

– Что здесь произошло? – наконец лейтенант задал правильный вопрос.

– Ты коп, ты и разбирайся.

– Ты свидетель на месте преступления, понимаешь это? – спросил он с нажимом.

– Нет. Я всего лишь жалкая восьмерка. Восьмерка ничего не знает.

– Восьмой, – окликнул меня лейтенант. – Скажи честно, это твоих рук дело?

Я даже остановился на мгновение. Огляделся вокруг, внимательно посмотрел на тело в стене, на безголового, на разодранный потолок. Он серьезно?

– Ты мне льстишь, лейтенант.

– Это улика с места преступления, – рявкнул уже мне в спину полицейский.

– Не, я с собой принес, – потряс бутылкой, подходя к двери.

Мой плащ висел на вешалке недалеко от входа. Придирчиво оглядев его, убедился, что кровью тот не заляпан. Хорошо. Медленно натянул, стараясь не уронить бутылку. От таких движений все тело ломило. Неужели все-таки простудил спину? Ну что за невезение. Да лучше бы меня со стены

обоссали.

– Тварь, – раздалось кряхтение смазливового копа. – Ты за это ответишь.

Я глянул через плечо. Весь перемазанный кровью, он уже не выглядел таким крутым. Скорее скользким и грязным. Как и положено копу восьмого сектора.

– Восьмой район восьмого сектора, – произнес я. – Заходи в гости, если не боишься заблудиться и остаться там навсегда.

– Не отворачивайся, восьмерка! Я с тобой разговариваю...

Он не договорил. Окровавленная мраморная пепельница, разбрасывая по комнате месиво из мозгов и черепной крошки, впечаталась в рожу полицейского. Пусть я и не мог проломить такой голову, но нос ему точно придется вправлять.

– Вот это улика, – кивнул я. – Не благодари, лейтенант. И научи пацана манерам, а то он тут недолго протянет со своими тепличными замашками.

Я вышел в темный коридор. Тщательно вытер обувь о коврик возле двери. Это не сильно помогло, все равно придется отдавать ботинки сапожнику. Давно пора было, если честно. Немного пошатываясь, я пошел на выход. Еще на двух полицейских, что методично блевали в коридоре, я не обратил внимания. К чести Дэниэля, желудок у него покрепче будет. Даром, что из теплого сектора прибыл. И имя бабское какое-то, под стать роже.

На улице творилось какое-то столпотворение. Я сходу на-

считал еще семерых полицейских. Рядом стоял броневик, на котором они все и прибыли. Это как же тут шумели люди, что полицию выдернули посреди ночи?

Меня то ли узнали в лицо, то ли получили приказ от лейтенанта. Но на улице никто не пытался задавать тупых вопросов. Проходя мимо голографических ограждений, я разглядел тело молодой девушки, что лежало на асфальте.

От нее немного осталось, местами виднелись кости ребер, конечностей не хватало. Вот это точно работа Ночного Пса, такие обглоданные трупы каждое утро находят по всему сектору. Разве что эта еще неплохо сохранилась. Либо тварь была не сильно голодной, либо что-то заставило ее прервать трапезу.

Чуть дальше, по обе стороны улицы, лежало еще два тела. Сначала я не понял, почему ленты охватывают такие большие прямоугольные участки. Приглядевшись повнимательнее, чуть не полетел на землю. Оглядевшись, понял, что наступил в какую-то яму. Будто что-то тяжелое скинули прямо на асфальт. Но никаких посторонних предметов тут не было.

А когда я подошел ближе к телу, то понял, что труп весь перемотало. И стало понятно, почему ограждение такое длинное. Тело пропахало по земле больше пяти метров, отмечая пройденное расстояние зубами, кровью и обрывками одежды. Глянул наверх в сторону разбитого окна. Далековато для такого прыжка. Но не с другого же здания они упали?

В остальном такое же тело, что я видел наверху. Дорогова-

тый для восьмого сектора костюм, татуировки по всему телу, восточные черты лица. А наверху бухло, наркота и море крови. Я, конечно, предполагаю, откуда здесь взялись эти ребята, но все же.

– Эй, – окликнул я паренька в форме. – Какой это район?

– Седьмой, сэр, – ответил он, вытянувшись по струнке. А затем зачем-то добавил: – Седьмой район восьмого сектора.

Сэр. Ну ничего себе. Сразу видно бывалую восьмерку. Знает, с кем разговаривает. А вот информация заставила меня скривиться. Я кивнул пареньку, который внезапно покраснел и вспотел за пару секунд. Наверное решил, что это я из-за него расстроился. Полицейский моментально испарился, а я пошел подальше от этого места.

Соседский седьмой район. Вот что неприятно. Если есть в восьмом секторе настоящая клоака, то я сейчас именно в ней и нахожусь. Самое дешевое жилье, куча заброшенных руин бывших промышленных объектов, где собирается весь высший свет нашего общества. А еще паршивая еда, паленые синтетические наркотики и Квадрада. Именно этого я и боялся. Те трупы за спиной – члены сраной Квадрады. Самое отморозенное бандитское формирование в секторе.

Они грызут глотки всем. Простым людям, другим бандам, рабочим, копам и даже друг другу. И единственные, на кого эти отморозки не лезут, это Неоякудза. И вот теперь шаткое перемирие может пойти по известному пути. И все из-за меня. Хотя я вообще не при делах. Вроде бы.

Ладно, значит надо решить эту проблему сразу, чтобы не утонуть в потоках дерьма и крови потом. Очередная война банд мне не нужна. Мне прошлогодней хватило, до сих пор кровь из-под ногтей не могу вымыть.

А значит день будет долгим, наполненным пустой болтовней. Пустой, но смертельно опасной, как и сами собеседники. И начнем мы с самого трудного.

В восьмом секторе, где бы ты ни находился, всегда можно понять, где центр. Это как в лесу, который сейчас можно увидеть лишь на картинках. Мох всегда растет с северной стороны. Или как в небе, где есть путеводная звезда. Так и в восьмом секторе есть Башня. Многоэтажное здание в центре. Местами обрушенное и потрепанное временем. Половина этажей ощерилась пустыми глазницами окон, но жизни в ней больше, чем во всем восьмом секторе вместе взятом.

Если я в седьмом районе и смотрю на башню, то мне туда. В сторону своего дома. Неплохо было бы пожрать чего, но только не в этой дыре. Если тут и есть еда, то шансы после нее не сдохнуть не сильно-то велики.

Альтаир. Говорят, так называется красивая яркая звезда где-то на небе. Яркая и далекая. А еще так называется консервная банка города, в котором мне приходится жить. И поверьте на слово, в моем Альтаире нет ничего красивого. По крайней мере, если смотреть из восьмого сектора.

Я медленно брел по просыпающимся улицам. Люди, больше похожие на зомби, выбирались из своих халуп, зырка-

ли исподлобья серому мареву на горизонте. И брели, брели, брели по своим важным зомбячьим делам. Хотя у всех здесь одна цель. Попытаться пережить очередной день, чтобы суметь вернуться в теплые провалы своих жилищ.

Сутулые плечи, тощие тела, осунувшиеся лица. Пепельно-серая кожа – отличительный признак местных жителей. Воздух тут ни к черту, а дыхательные фильтры стоят дорого. Да и солнце редко добирается до наших мест. В основном лишь через пелену заплесневелых облаков над головой. А когда начинается дождь, лучше вообще не выходить из домов без защитных балахонов. А они еще большая редкость, чем дыхательные фильтры.

Конечно, мэрия Альтаира может спокойно обеспечить всех нуждающихся такими мелочами, столь необходимыми для банального выживания. Уж чего-чего, а этого добра у них за глаза. И фильтры, и защитные балахоны делают из переработанного вторсырья, которого в городе хватает. Да весь мир теперь, собственно, переработанное вторсырье.

Но если тебя сослали в восьмой сектор, значит твоя жизнь не стоит даже такой мелочи, как пластиковая ткань, чтобы защититься от дождя. Ты здесь для того, чтобы отскрести побольше дерьма, сжечь побольше мусора и побыстрее сдохнуть, уступив место следующему везунчику.

Куда брела вся толпа? Большинство, собственно говоря, на мусоросжигательный завод. Остальные на очистительные стоки внутренней стены. А самые упорные и трудолюбивые

из местной нежити могли получить какую-нибудь престижную работу на внешней стене. Например, отскребать от бетона мозги Ночных тварей, что постоянно штурмуют Альтаир.

Просто им грустно в радиационных пустошах за стеной. Грустно и голодно. Они тоже хотят по вечерам попасть в теплые провалы зомбячьих жилищ. Чтобы понежиться там возле труб отопления, развалиться на продавленном матрасе с берцовой костью хозяина жилища в пасти. Чем не идиллия? А мы их все плазмой да свинцом поливаем со стены.

– Мрачный Билл, – поприветствовал я хозяина местного бара, что стоял за стойкой.

– Чего желает уважаемый Восьмой? – плюнул мне вопросом бармен.

Рожа у него реально хмурая, но почему-то другие его зовут просто Билл. Может бояться, но ходит слух, что на самом деле мужик он весьма улыбочивый. А мрачная рожа появляется только в моем присутствии. Бред, конечно, я ведь такой милашка.

В баре было пусто, разве что пара работяг спала после ночной смены под столами в лужах собственной блевотины. Сейчас придет молодой помощник Мрачного Билла, на которого тот и свалил всю грязную работу. Но пацаненок не жалуется. Отмывать каждое утро блевоту и дерьмо за постоянниками – малая плата за безопасно прожитый день.

Да и гостей в этом баре не так уж и много. Впрочем, это был осознанный выбор хозяина заведения. На это он и рас-

считывал, открывая бар на границе двух районов. Мало кто захочет отдыхать в месте, где ошивается сразу два инквизитора. С другой же стороны, не найдется слабоумных, которые полезут на человека, в чьем баре ошивается сразу два инквизитора.

Малый доход в обмен на некую безопасность. Многие бы хотели оказаться на месте Мрачного Билла. Уверен, большинство из них при этом радостно улыбалось бы при встрече со мной. Ну или им стоило бы это делать. Впрочем, мне насрать.

– Сваргань чего пожрать, – произнес я, беря пустой стакан из-за барной стойки. – И льда притащи. Только чистого, а не как в тот раз.

– Не я очищаю стоки, – проворчал Билл. – Какая течет, такую и замораживаю.

Я лишь покачал головой. Ну и как я докатился до такой жизни? Вопрос по существу, я ведь действительно не помню, как оказался вчера в седьмом районе. Да еще и на квартире Квадреды. Не за наркотой же я к ним поперся? Товар можно было и у Неоякудза взять. Благо у них база в соседнем доме от моего.

Но с другой стороны, такого порошка я еще не видел. Так что мог припереться именно за ним. Вполне в моем духе. Я постоянно ищу что позабористей, чтобы побыстрее угробить свой организм. А эта дурь вполне подходит моим целям, как видно.

За спиной раздался мерный стук. Мне не надо было обращаться, чтобы понять, что является его источником. Это насадка из никелевого сплава на трости оставляет вмятины в дешевом углепластике напольного покрытия. Я слишком хорошо знаю эту трость и могу лишь предполагать, сколько людей не дожили до рассвета, после знакомства с ней.

– Ты забрел не на ту улицу, восьмерка, – раздался голос за спиной.

Мрачный Билл внезапно стал Бледным Биллом.

Глава 3. Бледный Грустный Билл

– Хорошо выглядишь, Теннеси, – произнес я. – Для такой старой швабры.

– Ты тоже неплохо сохранился. Удивлен, как ты умудряешься выживать с таким языком.

– Я неплохо научился стрелять, – пожал я плечами. – И рука у меня ласковая, но тяжелая.

– Когда-нибудь тебе вырвут твой поганый язык, восьмерка, и на нем же повесят.

– Да, поскорей бы уже. Хоть отдохну наконец.

Старик усмехнулся и с кряхтением забрался на соседний барный стул. Постучал тростью, и Бледный Билл поторопился принести черный кофеин с заменителем сахара. Любимый напиток Теннеси.

Передо мной же водрузили тарелку с какой-то бледной слизью. И только по желто-зеленым вкраплениям можно было понять, что это яичница. А эти полоски ржавчины видимо бекон. Гребаный седьмой район. Сраный восьмой сектор. Когда я уже найду здесь хоть одну приличную забегаловку?

– Чего приперся? – спросил старик, дрожащей сморщенной рукой беря чашку с кофе.

Интересно, хоть кто-нибудь еще ведется на эту показную старческую дряхлость? Беспомощность старика – это такая же иллюзия, как и возможность восьмерке покинуть восьмой

сектор. Бредятина та еще.

Инквизитором просто так не становятся. Ты должен быть не просто полным отморозком, грохнутым на всю голову, чтобы согласиться на эту работу. Ты должен быть по-настоящему опасным отморозком. И вряд ли среди нас есть кто-то опасней Седьмого. Разве что Пятый, но по другим причинам.

Я же мог лишь предполагать, сколько кибернетических модификаций скрывается под этой дряхлой кожей. Мало кто видел Теннеси в своей боевой ипостаси. А кто пережил такое зрелище предпочитают молчать.

– Не помню, старик. Ты же знаешь, у меня это... – я покрутил пальцем вокруг виска.

Понятное дело, вопрос был не о том, зачем я притащил свою задницу в это поганенькое заведение. Я мог пообщаться с Теннеси и по коммутатору, но любая связь прослушивается. Поэтому такие встречи между инквизиторами считаются чем-то вроде жеста вежливости.

Вопрос же касался всего седьмого района в целом. Это территория Теннеси, а у нас не принято ходить друг к другу в гости. Не дальше нейтральных мест встречи, что находятся на границе, типа этой дыры, в которой подают зеленоватую размазню вместо яичницы.

– Знаю, помню, – прокряхтел старик. – Но не просто же так ты притащил свою задницу ко мне и покрошил бригаду Квадреды.

– Это не я. Не мог быть я. Судя по всему, какой-то усиленный кибер действовал. Либо Ночная тварь какая-то.

– Да? А я уж подумал, что ты наконец-то обзавелся боевыми модификациями. Должность тебе позволяет.

– Нет, – покачал я головой, лениво ковыряя в тарелке. – Я предпочту оставаться чистым. Мне и своего тела хватает.

– Что-то оно тебя часто подводит в последнее время, – Теннеси постучал себя по виску.

– Я просто пришел сюда сказать, что ни я, ни восьмой район, ни Неоякудза никак не связаны с нападением.

– Ты не меня в этом убеждай. А правящий совет семей. Они захотят ответной крови.

– Твоего слова хватит, чтобы они перехотели.

– Хватить-то хватит. Но они не успокоятся, пока не найдут виноватого. А ты сам понимаешь, как это выглядит со стороны.

– Никому из нас не нужна новая война банд. Территории поделены, как и рынки сбыта. Какой смысл Неоякудза нарушать договор? Да еще и таким образом.

– Да, но факт остается фактом. Восьмой инквизитор, который тесно общается с одной из банд, хотя должен соблюдать нейтралитет, приходит и вырезает целую семью на чужой территории. На моей территории.

– Я уже сказал. Это был не я. Скорей всего я пришел, когда уже все было кончено.

– Да, конечно. И решил вздремнуть до утра. До приезда

лежавых. Покараулить, чтобы трупы не разбежались.

Я нехотя достал из кармана сверток. В любом случае пришлось бы показывать. В конце концов эта дрянь всплыла на его территории. А это уже прямая заинтересованность инквизиции.

– Мне кажется, я приходил за этим. Знаешь, что это?

На стол лег сверток с розоватым порошком внутри. Старик медленно развернул платок, осмотрел содержимое и брезгливо отодвинул.

– Очередная синтетическая дрянь. Каждую неделю появляется новая кустарная дурь, от которой дохнет народу больше, чем от Ночных. И чего ты вечно в нос себе суешь всякое дерьмо? Ты же инквизитор, а ведешь себя как заправский бандюган.

– Я пришел за ответами, а не наставлениями, Теннесси, – произнес я жестко. Немного жестче, чем следовало. – Сам разберись, что мне делать.

Помолчали. Бледный Билл стал еще бледнее. Старик отхлебнул и наконец заговорил:

– Я привык общаться с этим отребьем. Привык работать с отморожками из Квадраты. Иногда забываюсь. Но и ты тоже помни, с кем разговариваешь. Не будем ссориться.

– Проехали, – кивнул я. – Сообщи, если появится какая информация о том, кто это сделал.

– Моя территория, сам разберись, – бросил старик.

– Как знаешь.

Я встал из-за стола, приложил палец к стойке, оплатив еду. Хотя так и не смог заставить себя прикоснуться к этой мерзости. Забрал бутылку виски и пошел на выход. Визит вежливости завершен, не вижу смысла задерживаться здесь дольше необходимого. К тому же, этот длинный день только начался.

Алкоголь притупил головную боль, расслабляя тело. Но жрать хотелось неимоверно. Розовая дрянь в моем кармане должна быть ядреной, раз не только заставила меня вырубиться на всю ночь, так еще и догнала похмельным утром. Обычно мой организм переносит все это дерьмо куда легче.

Или я внезапно старею, либо этот волшебный порошок синтезировал какой-то гений. Надо сообщить об этом в центр, пусть ищут изготовителя по другим секторам. Восемькам такая дрянь не по зубам. Центр уже пнет Седьмого, чтобы искал, как порошок попал к отморожкам из Квадраты. Вот старик начнет брюзжать тогда. Не любит он такую работу.

Да и никто не любит. Искать, вынюхивать, выспрашивать, анализировать. Куда проще проломить кому-нибудь череп или сломать пару хребтов. Действенное решение любой проблемы. Жаль только не всегда понятно, кому ломать. Впрочем, инквизитору плевать на такие мелочи.

Очень хотелось доползти до дома и забраться в уютную постель. Доспать еще пару часиков, потом принять душ, нормально поесть. Но никто не позволит мне подобной роско-

ши. Раз копов дернули сразу после комендантского часа, значит скоро они доложат в центр. А те спросят с меня.

Там уже средним пальцем отделаться не выйдет. Придется повторять все то, что я говорил Теннеси, только чуть вежливей.

Витиеватые улочки скакали вверх и вниз. Переплетения ржавых труб, тугих кабелей и проводов. Эти вечные нити прогресса тянулись из-под земли, поднимались вдоль стен, переплетались над головой, пытаясь заменить собой серое небо.

Но всем было плевать и на гудение проводов вокруг, и на серое марево высоко над головой. Людей беспокоили другие, более обыденные вещи. Какая разница, какого цвета раньше было небо, когда прямо сегодня тебе нечего жрать? Кому какое дело до того, какого оттенка ржавчины течет вода по трубам, когда кости твоего соседа глодают через стенку? И далеко не всегда это делают Ночные.

Не в лучшем расположении духа я добрал до кряжистого здания посреди широкой по меркам сектора улицы. Потертая, выдавшая и лучшие времена вывеска гласила, что здесь я смогу найти покой и все виды наслаждений. Изображенная на ней Малышка Молли наклонилась так, что видно было чуть больше, чем позволяют рамки приличия. Страстно подмигивая, она пила какой-то цветастый коктейль, но казалось, что нарисованную жидкость вливают тебе прямо в душу.

Бар «Шинигами». Пожалуй, единственное место во всем

восьмом секторе, где я могу спокойно выпить, не получив на сдачу сотню презрительных и брезгливых взглядов. Впрочем, какая мне разница? Пусть скалятся, пока не лопнут. Все равно никто из этих озлобленных жалких восьмерок не посмеет и слова сказать в мою сторону. А за спиной пускай болтают сколько влезет.

– Эй, шпана, – окликнул я парочку, что терлась возле входа. – Что-то я ваши рожи не припомню. Чего тут вынюхиваете?

Двое парней не самой приятной наружности. Рабочая одежда, кепки, да просторные куртки, в которых так легко что-то спрятать. В рассветных сумерках, стоя возле входа, их намерения не вызывали сомнений.

Подождать, покараулить, пока охрана не выкинет на улицу какого-нибудь спившегося забулдыгу. Или подходящая жертва сама выйдет на негнущихся ногах. А там уже беднягу возьмут под ручки, и никто никогда его больше не увидит. И куда смотрят Неоякудза? Это ведь их бар.

– Да мы просто стоим с приятелем, курим, за жизнь трем, – произнес оскалившийся дылда.

Второй при этом зыркал на меня с изрядной долей страха. Но если длинный не боится так разговаривать с человеком моей комплекции, значит именно он в парочке главный. И именно у него в широких полах куртки прячется что-то опасное.

– С какого района? Чего здесь забыли?

– Эй, прохожий, проходи. Чего ты докопался до мирных восьмерок? Или горло жмет?

Длинный улыбнулся шире и достал из кармана нож-бабочку. Вальяжно поиграл, складывая и раскладывая ее. Я медленно поднял правую руку, сжатую в кулак. На тыльной стороне ладони кожа засветилась изнутри. Увидев инквизиторскую инсигнию, длинный в момент побледнел и выронил нож.

– Спрошу еще раз. С какого района будете и каким паршивым ветром вас сюда занесло?

– Начальник, да мы просто выпить зашли, – примирительно поднял руки дылда, начиная пятиться. – Соседи мы с девятого. Просто заглянули поглазеть на Малышку Молли.

– Свинтили в туман, – рявкнул я. – Резко.

Кивая и чуть ли не кланяясь, парочка попятилась еще быстрее. Я проводил их взглядом до угла, пока силуэты не растворились в утреннем мареве. Надо переговорить с охраной, что-то ребята совсем расслабились под утро.

Допив остатки виски, швырнул бутылку вслед мутной парочке. Звон разбитого стекла разнесся по бесконечным коридорам улиц. Покачнувшись, развернулся в сторону входа и толкнул массивную железную дверь. Ну что же, Малышка Молли, самое время залить душу твоими нарисованными коктейлями. Или не нарисованными.

Это был типичный старый бар, в котором пахло настоящим деревом. Стойка бармена, массивные барные стулья и

даже многие элементы декора. Все было сделано из настоящей древесины. Старинный антиквариат, пережитки довоенного прошлого, что сейчас уже является роскошью. Все это смотрелось неуместно дико среди листов клепаного железа на полу и стенах.

Неоновые лампы придавали этому месту какой-то сюрреалистичный вид, словно две эпохи смешались в ядреный коктейль. И все это ради почерневших от злобы и страха восьмерок, что вряд ли когда-нибудь смогут по достоинству оценить очарование этого места.

Нет, этим пропитым кускам мяса куда интересней было пляться на сиськи Малышки Молли через дно стакана. Хотя признаю, пляться там было на что. Не зря овальная сцена с танцевальным шестом тянется к самому центру зала.

Впрочем, сейчас здесь было довольно пусто. Так всегда под утро. Огромные, закованные в полимерные бронекостюмы охранники бродили по темным углам, выковыривая оттуда остатки живых посетителей, дабы очистить помещение.

Редкие роботы-сервиторы, такие же проржавевшие, как и все вокруг, носились, убирая горы мусора, битого стекла, да подчищая лужи разлитого пойла.

Я добрел до барной стойки, за которой сидел Маленький Грэмми. Местный завсегдатай и ходячее олицетворение восьмого сектора. Упитый в хлам, после ночи любования сиськами Молли он теперь закидывался остатками крепкой дряни, дабы поскорее телепортировать сознание в следующую

щий вечер. Когда вновь сможет любоваться своей ненаглядной.

Маленького Грэмми никто не выкидывал из «Шинигами», благо он никогда не буянил. В том смысле, что внутри бара. По крайней мере не начинал потасовок первым, но с радостью присоединялся к процессу. Зато сколько бедолаг знакомились с его кулаками-кувалдами вне стен заведения. Впрочем, мало кто из них теперь может об этом рассказать.

Да, сдохнуть в восьмом секторе куда проще, чем пережить очередной день. Так уж тут устроено. Благо город никогда не испытывает нужды в новых отбросах, регулярно пополняющих ряды дешевой рабочей силы.

Если местные охранники в сравнении со мной были просто дрищами и мальчишками для битья, то Маленький Грэмми мог так сказать вообще про всех. Включая меня. И да, я один из немногих живых людей в восьмом секторе, кто может похвастаться тем, что знает, каково это – получить по роже кулаком-кувалдой. И при этом остаться в живых.

– Как дела, Грэмми? – хлопнул я громадину по спине.

– А, это ты, – расслабился он. – Как всегда, восьмерка, как всегда. Какими судьбами в столь поздний час?

– Тяжелое утро, – кивнул я.

– Как и вся наша собачья жизнь.

– Именно так.

Маленький Грэмми, один из немногих людей, к которому я питал уважение. Во-первых, потому что он, как и я, был

чистым. То есть никаких кибер-усилителей, которыми пичкают себя все, кто может. Ну не люблю я этих киберов.

А во-вторых, он один из немногих, кто меня не боится и не презирает. И поэтому я всегда могу перекинуться с ним парой словечек просто так. Как сейчас. Это не делает Грэма хорошим парнем. Правильней будет назвать его мразью побольше многих в этом месте. Впрочем, так можно сказать и про меня.

– Во-о-осьмо-ой! – прозвенело с той стороны барной стойки.

Маленькое тело молнией промчалось в мою сторону, перевалилось через стойку и чмокнуло меня в щеку. Мне почти удалось уклониться, но подвыпившее тело не выдавало и половины своей скорости.

– Говорил же никогда так не делать, – прорычал я, вытирая щеку.

– Восьмой, – пропищала хрупкая девчушка в фирменном фартуке «Шинигами», – ты такой милый, когда сердишься.

– Не звени, Пискля. Голова гудит от твоего голосочка.

– Я же говорила не называть меня так, – уперла девчушка руки в бока и надула маленькие губки. – Я Асоха. А-со...

– Забей, – отмахнулся я. – Все равно не запомню. Налей мне лучше чего.

– Голодный? – спросила она, вновь став серьезной. – Выглядишь уставшим. Тебе надо есть больше белка. Смотри на себя, совсем схуднул.

– Кто бы говорил, тощая как ветка.

– Что такое ветка? – уставилась она удивленно.

– Забей, – повторил я. – Мне подадут сегодня выпивку или как?

– Сейчас принесу, – улыбнулась Асоха.

– И пожрать, да, – уже тише произнес я.

Девчушка-бармен упорхнула в сторону кухни, а я принялся пялиться себе под нос. Еще стаканчик ядерного пойла, немного жратвы, и это утро перестанет быть таким паршивым.

Черт, как представляю, сколько дерьма теперь придется разгребать, аж повеситься захотелось. Центр доколебется с расспросами, на которые у меня нет ответов. К Неоякудза надо будет идти, объяснять, что к чему.

Я напряг память, стараясь вспомнить, как оказался вчера в седьмом районе. Как вообще меня занесло в квартиру к семье Квадраты. Это же самые тупые отморозки восьмого сектора. Неужели и впрямь за наркотой поперся?

Ничего. Лишь голова вновь начала болеть. Ничего не помню из вчерашнего дня. Гребаная амнезия. Хотя она тут как раз ни при чем. Тут скорее надо задавать вопросы тому, кто изготовил розовую гадость, что сейчас покоится в моем кармане.

Асоха принесла мне огромную тарелку яичницы с мясом. И если яйца здесь были настоящие, то про мясо я спрашивать давно перестал. В «Шинигами» не подавали человечи-

ну, в этом я был уверен, так что есть можно не опасаясь. А остальное не важно. Возможно, какая-то Ночная тварь очурилась недавно и попала на сковороду местного шефа. Так что грех брезговать, свежати́на как-никак.

– Никого из боссов не видела? – спросил я.

– М-м-м, – девчушка почесала копну коротких светлых волос, что топорщились во все стороны, складываясь в какую-то ядреную прическу. – Нет, их вообще сегодня не было. Только всякая мелочь, но тебе они не интересны. А что, передать что-то надо?

– Не парься. Сам зайду к ним потом.

– Океюшки, – важно кивнула она. – Если что надо будет, только позови. А у меня опять эта скучная инвентаризация.

– Беги, работай, Пискля. Нечего тут со мной языком чесать.

– Зануда, – надула она щечки и убежала куда-то за бар.

Я перекусил и запил это все какой-то брагой. Видимо, Асоха решила, что не стоит мне с утра пораньше закидываться чем-то серьезным. Не спирт, а моча Ночных какая-то. Но в голове чуть посветлело и даже болеть перестало.

Ладно, раз никого из Неоякудза здесь нет, то и мне засиживаться бессмысленно. Хлопнув напоследок Маленького Грэммии по плечу, двинул на выход. Хотел еще сказать что-то, но малыш уже уснул прямо за барной стойкой. Вполне возможно, что так он и проспит тут до вечера. Выпроводить его из заведения дураков нет.

Выйдя обратно на прохладный воздух, повел носом. Все-таки внутри бара воздушные фильтры работают на полную катушку, так что улицы показались мне канализационными стоками, а не свежим воздухом.

Заприметив пару теней на краю здания, пошел в ту сторону. Внутри сама собой начала закипать злость. Думаю, парочка разбитых рож – это как раз то, что взбодрит меня окончательно этим паршивым утром.

– Я, кажется, ясно сказал, чтобы вы двое свалили куда подальше? – проревел я, подходя ближе и закатывая рукава.

– Да чего ты взвинтился, начальник? – пролепетал длинный.

– Ща я тебе на пальцах объясню, чего...

Удар пришелся под лопатку. Все тело пронзила острая боль, а ноги подкосились. Упав на колено, с хрипом втянул воздух. Тело, кажется, забыло, как дышать. Обернувшись, увидел третьего парня в капюшоне и полумаске.

Он как раз заряжал в ствол новую капсулу с патроном. Я узнал старую модель полицейских шокеров. Один такой снаряд, впиваясь в тело, выпускает заряд, что человек валится с ног в момент. И судя по глазам стрелка, он весьма удивлен, что я еще не лежу рожей в землю.

– Ах ты тварь восьмерочья, – прорычал я, вставая с колен.

Ноги не слушались, алкоголь туманил сознание, но я все же смог сделать пару шагов в сторону напуганного стрелка. Какой-то шум заставил меня развернуться.

Дылда с замахом ударил тяжелой металлической трубой, целясь мне в голову. Глухой звук и целый океан страха, который затопил взгляд ублюдка, когда я остановил трубу голой ладонью. Это больно, но сейчас в моем сознании не было для этого места. Там бурлила кровавая ярость, укутанная в пары алкогольного угара.

Дылда попытался вырвать трубу, но я держал крепко. Рывок на себя, и его тщедушное тело летит ко мне. Но лишь для того, чтобы рожей наткнуться на мой кулак. Туша дылды отлетает, разбрасывая в воздухе кровь и обломки зубов.

Его подельник раскидывает руки в стороны и пригибается к земле. Я слышу, как гудят сервоприводы его киберусилителей. Он делает рывок в мою сторону. Слишком быстро для моего не пришедшего в себя тела. Грязная клякса противника пролетает, стелясь вдоль земли. Мелькают острые лезвия ножей.

Рывок в сторону, слишком медленно. Одно лезвие чиркает меня по бедру, и огненная боль мгновенно пронзает всю ногу. Яд? Транквилизаторы? Паралитик? Что-то подобное. Твою же восьмерочью мать. Я пропускаю шустрого противника мимо себя и вкладываю все остатки сил в один быстрый удар.

Он явно не ожидал подобной скорости от туши моих размеров. Но абы кого не берут в инквизиторы. Хоть киберу и удалось достать меня лезвием, он оказался слишком близко. Тяжелый удар кулака сверху вниз впечатал его тело в землю.

Урод рожей пропахал около полуметра, сдирая кожу до мяса.

Я развернулся к последнему противнику, как раз чтобы получить в грудь новый снаряд. От попадания я отшатнулся и хотел стряхнуть капсулу, но та раскрылась почти сразу. Я видел, как заряд энергобатареи высвобождается, разряжая сотни электрических дуг в мою грудь.

Ноги подкосились, я упал на колени, пытаюсь вдохнуть. В глазах все поплыло, но я успел подставить руки и не упасть. Харкнув кровью, собрал всю волю в кулак. Левая нога дернулась, и я встал на одно колено. Поднял голову, чтобы взглянуть в обезумевшие от страха глаза стрелка.

– Молись, мразь, – прошипел я, пытаюсь подняться.

– Да что ты такое? – раздался глухой голос из-под полумаски.

Стрелок переломил ствол пистолета, пытаюсь судорожными пальцами заменить капсулу со снарядом.

Мое тело билось в конвульсиях, я с трудом пытался подняться. Но правая нога перестала слушаться и уже горела огнем. Я чувствовал, как зараза с клинка кибера распространяется все выше.

– Да вырубись ты наконец, – раздался шепелявый голос за моей спиной.

Глухой звук удара и боль, что шипастым цветком взорвалась у меня в затылке. А затем тьма и тишина заволокли мое больное, уставшее сознание...

Глава 4. Восьмерочки методы лечения алкоголизма

– Тяжеленный, мразь, – раздался хрипящий голос над ухом.

– Зажимай крепче, чтоб не трепыхался, – а вот этот голос уже заметно шепелявит.

Башка гудела от боли в затылке. Я очнулся от того, что моя черепушка стукнулась обо что-то твердое. Прикосновение отозвалось резкими вспышками, а перед глазами заплясали искры.

С трудом разлепив веки, попытался оглядеться. Перед глазами все плыло, похоже, алкоголь в моей крови достиг максимального воздействия. Второй вариант хуже – у меня сотрясение.

А еще металлический обруч на лбу, что крепко фиксировал голову. Я дернулся, но тело оказалось зажато в тисках. Скосил взгляд, пытаюсь понять, что со мной не так.

Я полулежал в каком-то металлическом кресле, напоминающем кушетку зубного хирурга. Руки и ноги прикованы магнитными замками, как и голова. Двое мужчин спешно затягивают ремни на моей груди.

– Не дергайся, – прошипел длинный.

С другой стороны стоял его подельник-кибер. Увидев его, вспомнил про правую ногу. Попытался пошевелить ею, но мышцы не слушались. Я чувствовал только пальцы ступни, что уже не так уж плохо.

– Смотри, шеф. Револьвер. Настоящий, с пороховыми патронами.

Голос где-то впереди. Приглядевшись, увидел еще две тени. Один из них, тот самый ублюдок, что стрелял в меня из шокера. Другого я видел впервые. Тучное тело, лицо, испещренное морщинами. Правого глаза нет, вместо него на меня уставился окуляр камеры. Еще один кибер.

Пихают себе в тело всякие железяки. Сами ни на что не годные.

– Че уставился, образина? – прохрипел я.

В горле пересохло, слова шкрябали глотку. Попытался сглотнуть, но даже слюны не набралось. Обезвоживание? Неудивительно, учитывая сколько я выпил за это короткое паршивое утро. Да еще и отравление от ножа коротышки.

– Очнулся, значит? – пробасил тот, кого стрелок назвал шефом. – Занятный ты типчик, восьмерка. Ни боевых модификаций, ни нормального вооружения. Только эта древность.

– Положи, где взял, – сказал я стрелку, глядя на свой револьвер. – Я тебе руки вырву за то, что ты его трогал.

– Гляди, какой храбрый, – ответил за него шеф. – Ты не в том положении, чтобы угрожать.

– Правда? Без двух минут труп будет мне рассказывать про мое положение? Лучше встань на колени и начинай молить о быстрой смерти.

Незнакомец весело фыркнул и как-то по-свинячьи хохотнул. Остальная троица последовала примеру начальства и принялась гоготать. От этого мерзкого смеха у меня лишь

сильнее разболелась голова.

– У меня к тебе встречное предложение, восьмерка, – ответил главный. – Ты быстро говоришь нам, где спрятал ящик, а я пристрелю тебя быстро. Если хочешь, то из твоего же оружия. Там же нет ДНК-идентификации.

– Какое заманчивое предложение. Не против, если я отвечаю отказом?

– Против, восьмерка. Давай не будем тратить ничье время. Просто скажи, где гребаный ящик?

– Во-первых, я вообще без понятия, о каком ящике речь, во-вторых, на кой он таким тупорылым отморозкам? Вы же уже трупы все, кретины обдолбанные. Похитить инквизитора посреди дня у всех на виду. Вы либо слабоумные, либо обгащенные наркотой. Но в любом случае до вечера уже не доживете.

– Не стоит быть таким самоуверенным. Уж кто точно не доживет до вечера, так это один самоуверенный инквизитор. Лучше переживай за свою шкуру, а за нас не надо.

– Ты серьезно? Ты вообще сам себя слышишь? Ты хотя бы отдаленно понимаешь, кто такие инквизиторы восьмого сектора?

– Конечно знаю, – кивнул шеф.

– Тогда ты должен знать, как центр реагирует на пропажу одного из его цепных псов. Сюда уже мчится гвардия по вашу душу.

– Это вряд ли, – оскалился ублюдок. И кивнул куда-то

вниз. – Мы хорошо подготовились к торжественному приему.

Я скосил глаза. На правой руке у меня было что-то вроде беспалой перчатки. Из нее хаотично торчали провода и какие-то микросхемы. Все это было перемотано обычной изолентой и мигало лампочками.

Блокиратор, значит. Кустарный, конечно. Впрочем, как и все блокираторы. Других не бывает, ибо правительству они ни к чему. Значит маячок, спрятанный под кожей в инквизиторской инсигнии, не работает. Центр не знает, где я и что со мной.

– Мы зациклили сигнал, так что твои хозяева думают, что ты все еще напиваешься в своем любимом баре. А когда ты перестанешь выходить с ними на связь, нас уже не будет в Альтаире.

Я засмеялся хриплым рыкающим смехом. Горло нещадно саднило, голова отдавала вспышками боли, но я не мог остановиться. С трудом успокоившись, ответил:

– Ты жалкая тупая восьмерка. Из этого сектора есть только один выход. В черном мешке для отходов.

– Это ты так считаешь. Но за содержимое черного ящика мы купим себе билет в беззаботную жизнь, – он придвинулся ближе, обдавая меня запахом гнилых зубов, брызжа слюной. – Никаких больше сточных канав, восьмерка. Никакого химического воздуха и кислотных дождей. Мы будем жить в раю и купаться в роскоши. И никто больше не будет назы-

вать нас восьмерками.

– Ты бредишь, кретин, – с тяжелым вздохом произнес я. – Восьмерка однажды – восьмерка навсегда. Этот сектор пометил тебя, заляпал твою никчемную душонку. Никому не удастся вырваться отсюда. Ни тебе, ни мне.

– Тебе удастся, – спокойно кивнул тот. – В тех самых мешках и довольно скоро. Ну, так расскажешь нам наконец, куда дел ящик?

– Да хоть со стены обоссы, не знаю я ничего ни о каком ящике.

– Значит, по-плохому. Тащи.

Последнее он адресовал кому-то из своих подручных. Вокруг меня засуетились тени, что-то щелкнуло на головой, затрещали электрические искры. В следующее мгновение мой мозг пронзила такая боль, что все тело забилося в конвульсиях.

Меня словно разрывало на куски, выворачивало наизнанку. Казалось, что все суставы разом пытаются выгнуться в обратную сторону, а мышцы просто рвутся одна за другой.

– Говори, где ящик, восьмерка!

– Посмотри у себя в...

Еще один разряд, и снова перед глазами летят искры, сворачиваясь в потрясающие калейдоскопы. Меня крутит, выворачивает и трясет. Боль, мой вечный спутник. Кажется, я ненадолго отключаюсь, но меня быстро приводят в чувство.

И все по кругу. Боль, вопросы, боль, вопросы. Все это пре-

рывается краткими моментами забывтья, но реальность липким монстром прочно присосалась к моему сознанию, не давая уйти глубже во тьму.

Я потерял счет времени. Перестал понимать происходящее, уже не воспринимал реальность, потонув в мутном бреду этой круговерти. И вот, когда лучик света уже готов был принять меня в теплые объятия, холод реальности снова вырвал сознание из небытия.

Как бы сильно мне ни хотелось сдохнуть, мое тело всегда держалось дольше моей воли. Вот бы сейчас пустить себе пулю в лоб и наконец выспаться. Но нет, не будет покоя бедной восьмерке.

Мне в глотку влили что-то холодное. Я не хотел это пить, но тело вцепилось в пластиковое горлышко бутылки против моей воли. Тело хотело жить, оно хотело продолжать существовать и функционировать.

В мозгах все пылало, но боль и усталость постепенно отступали, позволяя разуму вернуться в этот мир. Я даже начал различать какие-то мерзкие звуки. Через час или минуту эта смесь скрежета и скрипа начала складываться в слова. Кажется, я даже стал понимать, что они означают.

– Он уже должен был расколоться, – произнес нервный голос.

– Проверь настройки, подкрути волновые потоки, – ответил кто-то. – Проверь аппаратуру, может с детектором что-то не так.

– Я уже дважды проверял. И трижды перенастраивал.

– Ну так проверь еще раз! – рявкнул другой.

– Не может человек так долго сопротивляться. Даже инквизитор.

– Просканируй его еще раз. Скорей всего там стоит какой-то блокатор или еще какие модификации.

– Я уже сканировал его. Он реально чистый. Заказчик не врал. Чистый инквизитор.

– Значит плохо смотрели. Ни один инквизитор не выживет в восьмом секторе без боевых модификаций. Не так долго, по крайней мере.

Раздался писк где-то над ухом. Что-то начало жужжать и противно шипеть. Я разглядел антенну, которой кто-то водил по моему телу. Силуэт дылды потихонечку начал принимать нормальные очертания.

– Чисто, – прошепелявил он куда-то в сторону. – Он реально чистый. Кроме маячка в руке, но мы же его заблокировали.

– Может инсигния, это не просто маячок, – раздался испуганный голос откуда-то слева. – Он же все-таки инквизитор. У них там всякие технологии есть.

– Заказчик бы знал, – отрезал шеф. – И сообщил бы, это в его интересах. Вколите ему еще сыворотки и дожимаем. Он скоро расколется.

– Кажется, – попытался я протолкнуть слова сквозь онемевшие губы, – в твоих словах слышится страх.

– Если еще можешь говорить, восьмерка, то лучше побыстрее скажи, где ящик, пока копыта не откинул.

– Да, – протянул я. – Ты боишься, ублюдок. И правильно делаешь. Вы все начали понимать, что что-то здесь нечисто. Но до ваших скудных мозгов еще не дошло окончательно, в какое дерьмо вы вляпались.

– О чем он, шеф? – все тот же голос слева.

Я скосил взгляд и увидел стрелка. Того самого, что палил в меня из шокера и лапал мой револьвер. А теперь ублюдок засунул его себе за пояс. От этой картины во мне начала закипать злость.

– А этот молодец, – я глазами показал на стрелка. – Боится и правильно делает.

– Пасть заткни, – рявкнул главарь. – Быстро подключай аппарат.

– Не поможет, – громко произнес я. – Любой бы уже либо раскололся, либо сдох.

– В тебе тройная доза сыворотки. Вот ты и терпишь.

– Тройная доза. Получается, я должен был сдохнуть еще и от нее. Даже две ампулы скорей всего убьют человека. А три так вообще гарантированно.

Я прекрасно знал, о чем идет речь. Боевой Стимулятор Тактического Назначения. Военный образец, разбадяженную версию которого можно спокойно достать на черном рынке. Но этим кретинам даже ходить далеко не надо. БСТН, в простонародье сыворотка, входит в штатный комплект лю-

бого полицейского или инквизитора.

– Кажется, я наконец протрезвел, – голос был сухим и хриплым. – Давайте я помогу вам, тупые ублюдки. Задам простой вопрос. Как простой человек без кибер-модификаций может пережить тройной укол сыворотки, сопротивляться столько времени прямому воздействию на мозг, но при этом не расколоться и даже банально не сдохнуть?

– Не может, – вякнул стрелок. – Шеф, я в него там два снаряда с шокера пустил, а он все равно стоял.

– Заткнись, – слышалась нервозность в голосе главара.

– Подумаем вместе, – продолжал я нагнетать. – Какие еще бывают модификации, что позволяют организму так долго держаться?

Повисла пауза. Кажется, я расслышал как скрипят извилины в их тесных черепных коробках. Сопровождая это тихим сопением и напряженными взглядами.

– Ну же, – продолжил я. – Тут же совсем просто. Вы же видели инсигнию. Хоть кто-нибудь догадался проверить ее уровень? М?

– Это невозможно, – произнес шепелявый. – Шеф, он ведь говорит про Биомодификации? Но это ведь все просто слухи.

– Конечно слухи, – отрезал их старший. – Невозможно соединить ДНК человека и Иного. Все попытки провалились. Он просто здоровый ублюдок, потому и держится.

– Ты мне льстишь, кретина кусок. Ну представьте, если

правительству Альтаира наконец это удалось? Если они наконец смогли модифицировать человеческие клетки напрямую? То ответьте, кретины, кого первым делом они бы усилили? Армию? Полицию?

– Шеф, – жалобно заскулил один голос.

– Нет! – рявкнул я, не давая главарю вставить слово. – Вы, тупоголовые ублюдки, связались со старшим инквизитором центра. Меня послали сюда забрать черный ящик и попутно перебить всех на своем пути.

– Старший инквизитор центра, – прошептал голос за моей спиной. – Если этот ублюдок не восьмерка, а из центральных, то нам всем...

– Заткнись! – орет главный, хватая дылду за ворот плаща. – Заткнись и перестань нести бред.

– Какая жалость, – тем временем продолжал я вещать громко, – что нужны мне не вы, а ваш заказчик. А значит лишь один из вас пригодится живым в качестве языка. Кого же мне оставить?

Все произошло слишком быстро. Приток адреналина, вызванного страхом за собственную шкуру, – всегда плохая смесь для принятия рациональных решений. Стрелок первым бросился ко мне.

– Я не собираюсь тут умирать! – проорал он, срывая магнитный замок с моей левой руки.

– Стой! – заорал главарь.

Но было поздно.левой рукой я схватился за замок на пра-

вой. Наштупал кнопку выключателя и вдавил ее. Замки еще не успели щелкнуть, а я уже хватаю стрелка за ворот и рывком тяну на себя. Он бьется лбом о металлический обруч у меня на голове и мешком падает на пол.

Но я уже сжимаю рукоять револьвера, вытасченного из-за пояса ублюдка. На меня наваливается туша главаря, ремни не дают нормально развернуться. Он прижимает мою руку к груди, пока я левой пытаюсь освободить голову.

Чертов обруч никак не хотел поддаваться. Поэтому я со всей силы бью главаря по роже. Тело слишком ослабло от пыток, удар получился вялым. Левую руку хватает дылда и тянет на себя. Будь я в нормальном состоянии, то ему бы это стоило жизни.

Но сейчас я могу лишь вяло сопротивляться. Внезапно главарь вскрикивает и выгибается дугой. Я вырываю правую руку из его хвата и прицеливаюсь.

Щелчок курка, грохот, дым. Мозги дылды фонтаном орошают стену за его спиной. Локтем толкаю главаря, тот отшатывается, кривясь от боли. Щелчок, грохот. Ублюдку сносит часть черепа.

Косясь одними глазами, перевожу ствол в сторону последнего ублюдка. Тот поднимает руки, бросая окровавленные кинжалы на пол.

– Я помог, не убивай, – тараторит он. – Я все скажу.

Щелчок, выстрел. Голова засранца запрокидывается, и он валится на спину. Мелкий шустрый кибер сейчас для меня

слишком опасен, чтобы оставлять его в живых. Черт его знает, что взбредет в его тупую, напичканную проводами башку в следующую секунду.

С трудом освободился и наконец выдохнул. Вялое тело еле слушалось. Все остатки сил и воли я вложил в эту короткую схватку. Хотелось просто опуститься на пол и не шевелиться несколько дней. Но это слишком непозволительная роскошь для жалкой восьмерки.

Стрелок очнулся через пару минут и три пощечины спустя. Дернулся пару раз, испуганно вскрикнул и уставился на меня. Магнитные замки и ремни крепко удерживали его тело в кресле.

– Ну что, восьмерка, – произнес я. – Ты как раз успел на вечеринку. Начнем?

Глава 5. Вопли на фоне фейерверка

Убедившись, что парень крепко прикован к креслу, я подошел к аппаратуре. Волновой электрошок. Оборудование выглядело старым и явно собиралось на коленке. Как и все остальное в восьмом секторе.

Ничего в этом не понимаю, но примерно способ работы выглядел несложным. Вот переключатель запуска, вот какие-то тумблеры, вот разноцветные кнопочки, а тут еще рычажки есть. Да даже обезьяна справится.

– Ну что, поговорим? – спросил я, подтягивая тележку с аппаратурой поближе. – Или сразу перейдем к фейерверкам?

– Я все скажу, – парнишку аж трясло, хотя я еще ничего не сделал. – Все, что знаю.

– Что за черный ящик? – спросил я.

– Этого я не знаю.

– Кто заказчик?

– Эм, босс с ним встречался. Я без понятия.

– Какой ты полезный собеседник, – кивнул я. – Так и хочется тебя пристрелить, сам не знаю почему.

– Погоди, погоди. Я могу поспрашивать ребят, разноухать для тебя все. Я знаю, что босс ездил в товарные ряды, там встреча была. Я там всех-всех знаю. Поспрашиваю, все выясню, правда.

– Ну да, конечно, – кивнул я, отчего голова чуть не раско-

лолась. Словно мозги там просто болтаются и бьются о стенки при каждом движении. – Поспрашивать я и сам могу. Получше тебя, знаешь ли.

– Погоди, погоди. Ты же не можешь меня тут убить, я ведь оказываю помощь. Меня надо доставить в центр, допросить.

– Восьмеркам нечего делать в центре. Да и мне там делать нечего.

– Но ты же сам сказал, – проскулил он. – Ты же биомод, старший инквизитор, ты же не можешь...

– Брось, тупой ты кусок говна. Я просто здоровенный ублюдок, который отказывается подышать. Все, как твой босс и говорил. А ты скоро присоединишься к своим друзьям. Как я и говорил.

Я прошелся до стула, на котором висел мой плащ. Придирчиво оглядел, отряхнул от пыли. Вроде бы нормально все. Огляделся вокруг. Какое-то темное помещение, похожее на ангар. По крайней мере об этом говорили высокие створки ворот.

Вернувшись к парню, который все пытался лепетать оправдания, достал револьвер. Ткнул дулом ему в пах и спустил курок. В воздухе приятно запахло порохом и чужими страданиями.

– Это за то, что засунул мой револьвер себе в штаны.

Не обращая внимания на скулеж и дрыганья ублюдка, подошел к тележке. Выкрутив все тумблеры по часовой стрелке до упора, положил руку на самый большой переключаче-

тель.

– А это за то, что вообще прикоснулся к нему.

Щелчок, и тело забилося в конвульсиях. Из рта восьмерки пошла пена, а глаза начали выходить из орбит.

Я двинул в сторону выхода, не обращая внимание на искрящую за спиной технику. Говорил же, что даже обезьяна справится. Пусть и такая громадная, как я.

Сняв цепь с замка, навалился всем телом на створку. Та со скрипом поползла в сторону. В лицо ударил поток свежего воздуха. Ну, свежего по меркам нашего сектора. В голове сразу поплыло.

Выйдя наружу, оперся о холодный металл стены и прислонился затылком. Закрыв глаза, приходя в себя. Тело было ватным, голова болела, мозги вообще не соображали. Открыл глаза и понял, что картинка по-прежнему плывет.

Ничего. И похуже бывало. Через пару часов оклемаюсь. Поспать бы немного, а то это утро даже по меркам восьмого сектора было паршивым. А я тут уже очень давно живу.

Присев прямо на землю, принялся вытаскивать пустые гильзы из барабана. Потом долго искал патроны в подсумке на поясе. Выпить бы чего-нибудь сейчас. Пальцы скользнули по свертку платка, в котором лежали остатки розового порошка.

Нет, пока рано. Пока что это ни к чему. Может добрести до «Шинигами»? Оглядевшись вокруг, заметил верхние этажи башни. Знакомые разбитые окна и дыры в стенах неко-

торых этажей. Знакомые, только вот ракурс немного другой.

Получается, я сейчас где-то на юго-западе сектора. Девятый район. Нехило меня занесло. Весь сектор прошел вдоль, а время еще даже не обеденное.

Сбоку что-то завибрировало. Долго и протяжно. Вот же срань. Ну конечно, я же снял перчатку, блокирующую маячок. Надо было оставить, пусть думали бы, что я до сих пор в баре сижу.

Достав с пояса металлическую пластину, взялся за нее двумя руками. Развел половинки планшета в стороны. Между ними протянулась тонкая прозрачная лента дисплея, с которого на меня смотрело суровое женское лицо.

– Чем обязан, Кира?

– Не поясничай, Восьмой. Знаешь же, что все записывается, – скривилось лицо. – Для тебя – высший инквизитор Кирия.

– Ага, как скажешь. Чего надо?

– Что за вопли у тебя там на фоне?

– Ща сдохнет, не переживай.

Что-то в ангаре пшикнуло, послышался грохот. Из дверей повалил густой белесый дым. Кирия если что и увидела, то высказываться не стала.

– Что с показателями жизнедеятельности? И что за скачок в пространстве?

– Телепортироваться наконец научился. Просто промахнулся в стену мимо борделя. Надо еще поработать над по-

садкой.

– Хватит, Восьмой, – повысила голос Кира. – У руководства к тебе масса вопросов. С нами связался инквизитор Теннеси. Ты перебил целую семью отбитых восьмерок в его районе.

– Да не я это был, – устало вздохнул, кривясь от боли. – Сколько можно всем повторять? Ты вообще видела отчет? Явно кибер поработал.

– А ты тогда там что делал?

– Мимо проходил, устал, зашел полежать.

– Восьмой, – вздохнула женщина. – От тебя неприятностей больше, чем пользы.

– Будь это так, я бы уже был мертв. Хватит меня на слабо брать.

– Жду тебя в центре. Лично переговорим. Не по коммутатору.

– Че, прям ща?

– Прям ща, – передразнила меня Кирия. – Отрывай свою задницу и тащи ее в Департамент. Конец связи.

Экран погас, снова превратившись в твердую прозрачную пленку. Я сложил устройство и убрал его обратно. Очень хочется выпить. И поспать. И пожрать бы чего, а то после этой терапии весь завтрак выблевал.

Но если Кира тащит меня в центр, значит дело серьезное. Последний раз такое было... Да никогда такого не было. Если мне, конечно, не изменяет память. А она может.

Ладно, в поезде покемарю немного. Может даже успею прикупить чего по пути. Для души так сказать. Благо, идти было недалеко.

Альтаир представлял собой полностью круглый город, если смотреть сверху, как на карту. Огромная внешняя стена защищала жителей от Ночных тварей, что правили пустошами. Есть еще внутренняя стена, ограждающая центр.

А все пространство между пустошами и центром разделено поперечными стенами на равные сектора с первого по восьмой. На севере расположены главные ворота, ведущие в город. Они же являются входом в первый сектор. И далее по часовой стрелке вплоть до нашего восьмого.

Чтобы попасть в центр, мне требовалось сесть на поезд, едущий из восьмого в первый. А оттуда уже можно попасть в центр. Вообще каждый сектор имеет ворота в соседние и прямой проход в центральный сектор. Но в восьмом замуровали все входы-выходы, оставив лишь ворота в первый сектор.

Но это скорее не выход, а вход. Попасть в эту клоаку можно за любой проступок. А вот выбраться отсюда практически невозможно.

Сам восьмой сектор разделен на девять районов. Как на старом кнопочном телефоне, если смотреть сверху. С первого по третий примыкают к внешней стене. С четвертого по шестой посередине. И с седьмого по девятый примыкают к внутренней стене, огораживающей центр.

СХЕМА ГОРОДА АЛЬТАИР

Схема районов
8 сектора

Ворота

Вход в 1-й сектор

Внешняя стена

Внутренняя стена

Я сейчас двигался из девятого в шестой. Именно из шестого района можно попасть в первый сектор.

После войны на истребление не осталось ни стран, ни правительств. Люди сколотились в кучки, построили стены и образовали независимые города-государства с абсолютной властью в лице мэрии.

И новому правительству и без того хватало забот, помимо придумывания нормальных названий. Ладно, что сам город

обозвали хоть как-то. Могли назвать просто четвертым от границы. Наверное, это и сыграло свою роль.

Никто ведь не захочет править городом под номером четыре. Ни туда, ни сюда. Поэтому Альтаир. Красиво и обнадеживающе. А внутри нет ничего красивого. Тут бал правит скупая нумерация. Ни чувств, ни эмоций.

Что касается нашего сектора, то тут даже людей нет. Просто энное количество восьмерок. Приток свежих свести со статистикой выбывших. Чтобы итоговое значение никогда не менялось и было кому чистить стоки, да сжигать мусор. Главное, не забывать вовремя подвозить новые мешки для мусора. Так и живем.

Но я не жалуясь. Я привык. В конце концов меня никто не заставлял лезть в это болото из ржавчины и проводов. Я сам сюда сунулся по собственной воле. Может поэтому со мной и происходит то, что происходит.

Стена, отделяющая помойную вонь восьмого сектора от цивилизованных единиц, охранялась внутренними войсками Альтаира. Если наши прогнившие граждане и варились тут в собственном соку, то подальше от стен.

Восьмеркам было запрещено приближаться к любой из стен внутри сектора. Все стены – это опора, надежность и защита. И граница этой надежности располагается в километре от фундамента. Это расстояние очень легко обозначить. Достаточно внимательно смотреть себе под ноги, когда приближаешься к стене.

И как только увидишь пятна вьевшейся крови, значит ты на месте. Дальше идти нельзя, а то меткие автоматические турели на вышках обновят краску на земле. Но уже твоей кровью. Впрочем, мне туда и не надо.

Здание вокзала находилось гораздо ближе и хорошо охранялось все той же внутренней армией Альтаира. Шестой район считался одновременно самым суматошным и самым безопасным в восьмом секторе.

Первое, потому что сюда каждый день привозили партию свежего мяса, которое ни черта не понимало, куда попало. В основном из числа неблагонадежных граждан и беженцев из-за стены. А безопасность обеспечивало наличие все той же армии, да полицейский Департамент.

Хотя наши копы вряд ли кого-то могли защитить. Они даже сами себя защитить не способны. Потому и трутся у самого выхода из сектора под присмотром военных. А уже этим ребятам палец в рот не клади. Никто не должен покинуть сектор без особого распоряжения правительства.

И мэрия Альтаира тщательно следит за соблюдением этого незамысловатого правила. Тут они молодцы.

– Когда отправляется следующий поезд? – спросил я одного из солдат, что стояли по ту сторону сетчатого забора.

– А тебе какое дело, восьмерка? – спросил тот. Впрочем, без тени презрения.

– Погулять захотелось, – ответил я, активируя инквизиторскую инсигнию. – По магазинам думал прошвырнуться,

прибарахлиться.

Рожа солдата слегка скривилась, но ничего не сказал. Только ответил, мол, приходи через час. Ну и ладно.

Ну не любим мы друг друга. Копов не любят, считая их продажным дерьмом. Внутренние войска не ценят, называя их тепличными слабаками. Стену ненавидят, потому что у них вся работа наверху, там, где воздух свежий. Сиди, да стреляй Ночных тварей как в тире.

И все поголовно при этом ненавидят инквизиторов. Потому что для них не существует ни правил, ни законов. Мы подчиняемся непосредственно высшему инквизитору Кирии, а та отвечает лично перед мэром. А на всех остальных нам срать.

Хотя лично у меня нет претензий ни к стене, ни к внутренним войскам. Каждая из сторон просто делает свою работу. И раз мы все еще живы, значит делает ее хорошо. А вот копы, да. Они реально продажное дерьмо.

Поэтому я, не церемонясь пнул дверь, ведущую в холл Департамента полиции восьмого сектора. Не вижу смысла тут расшаркиваться. Настроение и так паршивое, так еще и голова начала болеть. Хотелось вернуться в тот ангар и снова всех пристрелить.

Внутри былолюдно. Ребята в форме, сидя за бронированными стеклами своих коробок, общались с бесноватой толпой свежих восьмерок. Пестрая толпа людей кричала, орала, требовала, плакала, умоляла, но все это без толку.

Новенькие. Утренняя партия будущих восьмерок. Они еще не поняли, куда попали и что их ждет. Примерно половина не протянет здесь и недели. Еще четверть помрет в течение первого месяца. Либо сами на себя руки наложат, либо сектор их сожрет.

– Освальд, дружище, – окликнул я лейтенанта, зайдя в большой открытый кабинет, где работал офицерский состав. – Отвлеку тебя на минутку?

– Я занят, Восьмой! – крикнул тот через весь зал. – Приходи потом. А лучше никогда.

– Еще успеешь облизать все яйца шефов. Подходи, посидим, поболтаем.

Я видел, как начало краснеть лицо лейтенанта. Сколько времени знаю мужика, а он до сих пор так легко выходит из себя. Не перестаю радоваться.

– Твоя рожа прямо бальзам на душу, Освальд.

– Дерьмовый день, Восьмой? Решил на мне отыграться? – прорычал он, подходя ближе. – Чего тебе надо здесь?

– Да я просто мимо гулял, решил заскочить. Узнать, как дела?

– Хватит тут... – прорычал лейтенант, тряся обвислыми щеками. – Чего надо?

– Материалы расследования. По ночному происшествию. Что успели нарыть?

– Не твое дело! – рявкнул он.

– Я ведь и по-плохому могу спросить, – улыбнулся ему в

лицо.

– Не твой район, не твоя юрисдикция. Нужны материалы – иди к Тенниси. Или приходи с запросом от руководства. Официальным.

– Бюрократия, – закатил я глаза. – Ты же якшаешься с этими шишками. Может заодно и подсобишь в перерывах между... Ну, чем вы там занимаетесь.

– Проваливай, Восьмой. Мне нечего тебе сказать.

– Ну что за день, а?

Я развернулся и пошел в сторону выхода даже не попрощавшись. Вечно морока с этими копами. Даже инсигнию не уважают. Но формально он прав. В нашем секторе девять инквизиторов и каждый отвечает за свой район.

Может и впрямь забить? Какое мне дело? С Неоякудза я договарюсь, а в остальном это проблемы Тенниси. Нужна будет помощь – сам найдет меня и попросит. И впрямь, чего это я?

Стоило мне выбросить из головы утреннее происшествие, так даже дышать стало чуточку легче. Уже подходя к дверям, увидел знакомую рожу.

– Новичок! – воскликнул я, добавляя в голос радости. – Как шея?

– Ублюдок, – прошипел Дэниэль, моментально наливаясь краской.

Рожу перекошена, глаза налились чистой, неприкрытой злобой. Но в этот раз я уловил легкие нотки страха. Быстро

учится пацан. Даром, что тепличный.

С размаху бью его лбом в переносицу. То ли от удара, то ли от неожиданности, парень падает на спину. Из разбитого носа хлещет кровь, заливая его серый китель. Он хватается за лицо, другой рукой тянется к кобуре. Но оружие не достает.

– Быстро схватываешь, новичок, – киваю я, проходя мимо.

И настроение сразу поднялось. Да и день перестает быть таким уж паршивым. Сейчас заскочить в магазинчик неподалеку, прикупить лекарства в дорогу.

– Восьмой, – окликнули меня уже на выходе.

Я обернулся. Сбоку от главного входа увидел полицейского в форме и с сигаретой в зубах. Он поманил меня жестом и скрылся за углом здания.

Ну что вам всем надо от бедной восьмерки?

Глава 6. Путь в лучшую смерть

– Здравствуй, Восьмой, – прокашлял пожилой полицейский.

– И тебе не сдохнуть, Корст. Как здоровье?

– Паршиво, как обычно. Харкаю кровью, врач говорит, нужно фильтры менять регулярно. Только где же их взять в таком количестве?

– Так ты кури больше. Слышал, помогает.

– А тебе все никак язык не подрежут, я погляжу.

– Да пытаются периодически. Но что-то все не выходит у них. То руки ломаются в самый последний момент, то черепушки.

– Ну ты не расстраивайся. И на твою душонку найдется восьмерка.

– Не сомневаюсь, Корст. Ты меня со скуки дернул сюда?

– По поводу утреннего происшествия хотел переговорить.

– Ты про резню в седьмом районе?

– Нет. Тут у соседней собака срать жидко стала. Вот посоветоваться хотел.

Я ухмыльнулся и оперся плечом о стену. Глянул вокруг, а то здесь и у стен уши есть. А в здании Департамента уже тем более.

– Есть чего взбодриться? – спросил я.

– Я же при исполнении, – сплюнул старик. – Конечно есть.

Достал из-за пазухи фляжку и протянул мне. Я отвинтил крышку и сделал большой глоток. Какое-то мерзкое пойло, но пробирает до костей. У меня аж желудок в узел скрутило от такого. Продышавшись, хлебнул еще разок и вернул флягу.

– По поводу резни, – продолжил Корст. – Наши прогнали все камеры в округе. Их было немного, зато нашлось видеонаблюдение в холле здания и на выходе.

– И что нашли?

– Тебя нашли, Восьмой. И больше никого. Вечером ты заходишь в здание, а утром выходишь. Остальные тоже зашли, но вышли уже в мешках.

– А окно? Если это был кибер, то он спокойно мог сигануть в окно.

– Так высоко? – скривился коп. – Должны быть соответствующие модификации. Парни проверяют базы зарегистрированных, но сам понимаешь. Если нужен кибер, способный так высоко прыгать, то надо искать в товарных рядах.

– Кстати об этом. Ничего не слышал о пропавшем черном ящике?

– Это еще откуда тут?

– Слышал или нет?

– Нет, ничего такого. Кого хоть обокрали?

– Да я почему знаю. Просто вспомнил тут. Что-то еще удалось выяснить про резню?

– Пока ничего. Как ни крути, ты единственный подозре-

ваемый.

– Брось, – усмехнулся я. – Ты просто не видел, что там было. Это даже для меня круто. Но спасибо, что поделился.

– Да было бы. Мы, восьмерки, должны выручать друг друга. Иначе совсем паршиво станет.

– Твои коллеги тебя за это по голове не погладят. Даже за простой разговор со мной тебе может прилететь.

– Что они сделают старой умирающей восьмерке? Бить меня не станут, а как-то еще наказать не смогут. Мне, знаешь ли, не особо есть что терять.

– Как и всем нам. Ладно, бывай Корст. У меня поезд скоро.

– По своим инквизиторским делам едешь? Подыши там за меня тоже.

– Дышал. Поверь, нет там ничего хорошего, за стеной.

– За этой-то?

– За всеми.

После разговора с копом, я все же добрался до местного магазинчика. Его владелец гонит какую-то лютую дичь, видимо, из мочи Ночных Псов. Пить невозможно, но брага свое дело делает. А у меня не особо есть выбор сейчас.

Пограничники досматривать меня не рискнули. Удовлетворились тем, что в базе имелась заявка на пропуск моей туши через стену. Вокзал охраняли по полной программе. В случае какого-нибудь бунта или восстания эти ребята смогут держать оборону достаточно долго до подхода подкрепления

из первого сектора.

А если прибавить к этому автоматические турели на стене и над въездом в туннель, то единственный выход из сектора перестает казаться выходом. Разве что восьмерка хочет по-пасть сразу на тот свет.

Небольшой состав трясся по старым рельсам, неспеша везя меня через нутро стены. В пассажирском вагоне не было больше ни души. Зато воняло кровью, мочой и пустошью. Вряд ли этот запах хоть когда-нибудь выветрится.

Пока ехал, размышлял над словами старого Корста. Большинство копов в секторе из числа тепличных. То есть назначены сюда из других секторов. Изначально из-за высокого уровня преступности мэрия так пыталась регулировать положение.

Мол, раз коп будет извне, то он останется непредвзятым. Будет выполнять служебные обязанности как положено, а не потакать преступникам из числа восьмерок. Так-то оно так. Только вот сектор быстро ставит на новеньких свое клеймо.

И вот вчерашний офицер из какого-нибудь пятого-шестого сектора превращается в грязную скользкую восьмерку. Серый китель быстро открывает двери в самые злачные места. А там много грязных денег, которые незаметно кладутся в оттопыренные карманы полицейских.

Но надолго в них не задерживаются. Ведь можно прямо на месте потратить их на разнообразное количество выпивки и синтетических наркотиков. Тяжело устоять, когда этой

дряню вымазаны упругие сиськи шлюхи, ерзающей на твоих коленях.

Вот и получается, что набирать служителей закона из восьмерок не имеет смысла, потому что они все повязаны. А пришлые быстро скатываются во все тяжкие, измазываясь в общем дерьме. Да и выбора у них особо нет.

Были и принципиальные, кто не шел на компромисс, не открывал двери злочных заведений. Их упаковали в черные мешки для мусора прямо у порога этих дверей. Так что копов в восьмом секторе любить особо не за что. И уважать тоже.

Если раньше для них это была просто работа и обстоятельства, то сейчас в Департамент восьмого сектора переводят исключительно за грехи. И накосячить надо серьезно, чтобы оказаться здесь. Поэтому нынешний штат серых кителей изначально приходит сюда далеко не белыми и пушистыми.

И если кого-то ненавидят тут больше инквизиторов, то это старого Корста. Он изначально восьмерка. Прибыл сюда давным-давно вместе с беженцами, как-то устроился и получил значок. За это остальные восьмерки его презирают.

А копы презирают за то, что он изначально восьмерка. Замкнутый круг. Но Корст хитрый лис. Не высовывается, в чужие дела нос не сует, вопросов не задает. Сидит себе спокойно, перебирает бумажки, занимается всякой скучной рутинной. Он никого не трогает, его никто не трогает.

А в этих местах такой расклад все же считается достижением.

– Выкатывайся, восьмерка. Конечная, дальше ногами топай.

Солдат в полевой форме толкает меня прикладом автомата в плечо. Спросонья захотелось затолкать ему этот приклад в одно место, но я быстро взял себя в руки. Я тут проездом, считай в гостях, а не у себя дома. Да и с этими ребятами ссориться не стоит без серьезного повода.

Если к кому-то из жителей Альтаира я и относился без ненависти, то это к единицам. У них и так жизнь не сахар, а мы с ними одно дело делаем, если сильно обобщить. По сути, весь первый сектор состоит из военных. Ночные твари лезут с севера. Беженцы бегут с севера. Другие города-государства расположены в основном на севере. Так что главные ворота Альтаира – самое охраняемое место.

Тут и внутренние войска, следящие за порядком и фасующие беженцев по секторам. Тут и гарнизон Стены, регулярно отбивающий нападения Ночных. Тут же и главный транспортный узел, откуда распределяются многочисленные поставки материалов, добытых в пустошах.

Сектор полностью милитаризован, так что тут никто не живет. Не считая многочисленных казарм и военных лагерей для недавно прибывших. Да еще базы сталкеров, которые совершают регулярные рейды за Стену.

Поезд довез меня почти до самого центра сектора. Доро-

гу я знал хорошо, жаль только, что пополнить запасы браги тут негде. Слишком суровая дисциплина для маленьких радостей жизни.

Уже через час я пересек все палаточные города и многочисленные заборы с колючей проволокой. Остановился возле арки ворот внутренней стены Альтаира. В восьмом секторе тоже была такая, но ее быстро завалили.

Попасть в центр дано не каждому. Все восьмерки мечтают оказаться здесь, многие кладут на это всю свою жизнь. Предел мечтаний для человека. Круче центра только второй сектор, где живет местная аристократия и высший свет общества. Но туда невозможно попасть, если не родился с золотой клюшкой для гольфа в заднице.

У меня же на проход через внутреннюю стену ушло около двадцати минут. Трижды досмотрели, дважды просканировали, все проверили, отобрали оружие и только после этого пропустили внутрь. Как будто я без револьвера не смогу навести тут шороху.

Свежий, чистый воздух центра молотом врезал мне по мозгам. Дышать было непривычно и оттого противно. А еще это открытое небо откровенно нервировало. Без переплетений сотен проводов над головой, создавалось ощущение, будто выбрался из пещеры. И вот-вот на голову упадет какая-нибудь летающая тварь.

подавив в себе нарастающее напряжение, я пошел вперед знакомой дорогой. В центре я уже бывал, и не раз. А вот в

Департаменте инквизиции я давно уже не показывал своей рожи. Нечего мне там делать.

На входе очередные проверки, так что к Кирии меня пропустили минут через десять только. Да и то с конвоем. Даром, что сам инквизитор, так еще и двух вооруженных солдат приставили.

Женщина сидела в зале для совещаний во главе большого круглого стола. Если бы не суровый взгляд и вечно напряженное лицо, ее можно было бы даже назвать красивой. По крайней мере, фигуру она держит и спуску себе не дает.

– Кира, – поприветствовал я ее, плюхаясь в кресло напротив, когда провожатые закрыли за мной массивные двери. – Как жизнь, че нового?

– Я даже отсюда чувствую запах перегара. Ты опять пьян? Середина дня.

– Ну, если так посмотреть, то все еще.

– Все еще что? – повысила она голос.

– Все еще пьян. Не вижу смысла быть трезвым. Не в этой жизни, по крайней мере.

– Восьмой, – тяжело вздохнула женщина. На мгновение тяжелое бремя ее должности отпечаталось в глазах. Но она быстро взяла себя в руки. – Ты вообще хоть иногда можешь быть серьезным?

– Могу, – кивнул я, доставая бутылку с остатками браги и делая глоток. – Хочешь? Дерьмо, конечно, но тебе явно не повредит немного.

– Воздержусь. У меня в отличие от тебя есть обязанности.

Что ты учудил ночью в седьмом районе?

– Опять сто пять, – закатил я глаза. – Ну ты сама же видела отчет Тенниси. Не я это был.

– Только вот среди трупов нашли именно тебя. Ничего не хочешь объяснить?

– Без понятия. Им там новую дурь подвезли забористую. Так что я либо за ней пришел, либо уже в процессе решил развлечься. Могут же и у меня быть свои слабости.

– Ты весь одна большая слабость, Восьмой.

– Ну не скажи. Так-то я парень хоть куда. Или уже забыла?

– Хватит, – хлопнула она по столу. – Я тебя не для этого вызвала. Просто хотела услышать твое мнение. Только вот с памятью у тебя совсем беда, судя по всему.

– Не больше обычного, Кира.

– Больше, Восьмой. Раз ты сам забыл, зачем вчера сунулся туда.

– А ты, значит, в курсе, да? – усмехнулся я, поудобней развалившись в кресле.

– В курсе, – инквизитор позволила себе легкую улыбку. – И прежде всего хочу напомнить тебе о твоём долге.

– Ты про это? – я помахал правой рукой, где под кожей была вшита инсигния. – Позвала меня, чтобы мораль читать?

– В том числе. Как у инквизитора у тебя одна-единственная задача. Предотвращать инциденты, угрожающие безопасности Альтаира. И больше ничего. А ты мимоходом по-

что развязал новую войну банд.

– Да брось, – махнул я. – Если восьмерки перережут друг другу глотки, тебе только лучше. Хорошая восьмерка – дохлая восьмерка.

– Война двух районов дестабилизирует весь сектор. И может вызвать цепную реакцию.

– Так я и говорю. Больше дохлых восьмерок – меньше проблем. Я давно предлагал сжечь там все дотла.

– Просто... – Кира замерла на мгновение, обдумывая, что сказать. – Просто держи ситуацию под контролем. И постарайся не втягивать в это остальных жителей.

– Скучно, Кира. Скучно. Ты для этих банальностей меня вытащила?

– Нет.

– Ну так переходи к делу, а то я начинаю трезветь. А мы оба не хотим, чтобы я трезвел, верно?

– По оперативным данным в седьмом районе восьмого сектора была замечена химера.

Меня всего передернуло. Тело приняло сидячее положение, а я впился глазами в женщину напротив.

– Цвет? – прорычал я. – Цвет брони твари?

– Черный, – произнесла инквизитор.

– Черный что? – проорал я.

– Черный основной с красным узором.

Я со всей своей пьяной дури ударил кулаками о столешницу, оставив глубокие вмятины в лакированном дереве. От

дурманящего мозг алкогольного опьянения не осталось и следа. Сердце набатом гремело в ребрах, а на лбу выступили капельки пота.

– И ты говоришь это только сейчас? – проорал я.

– Сядь, инквизитор, – Кира хлопнула ладонями по столу.

– Катись в пекло, стерва.

– Я тебя под трибунал пущу, Восьмой.

– В жопу себе засунь свой трибунал, – я сам не заметил, как оказался у дверей, дергая за ручки. – Открой немедленно. Выпусти меня.

– Сядь! – рявкнула она. – Ты не выйдешь, пока мы не закончим.

Я буравил ее взглядом, но высший инквизитор не отвела глаз. Я чувствовал, как вздымается моя грудь, как нервы натянулись до предела. Спокойно, восьмерка. Возьми себя в руки. Если эта стерва что-то сказала, то уже не отступит. Только время потеряю.

– Какого хрена, Кира? – спросил я, стараясь унять гнев. – Почему я здесь, когда Черный Дьявол разгуливает по восьмому сектору?

– Потому что я сама об этом узнала только недавно, – ответила она более спокойным тоном. – Информация была недостоверной.

– А теперь она достоверная?

– Да.

– Так какого хрена, Кира?

– Хватит со мной так разговаривать, – сорвалась она. – Не забывайся, восьмерка.

– У нас с тобой был один-единственный уговор, Кира, – ткнул я пальцем ей в лицо. – Я пляшу под твою дудку, словно ряженный клоун с этой светящейся приبلудой в руке.

– Инквизиторская инсигния – это тебе не приبلуда.

– А ты находишь мне Черного Дьявола, – проигнорировал я ее слова. – Так какого хрена, Кира? В третий раз спрашиваю.

– Восьмой, – инквизитор подняла руки в примирительном жесте. – Ты понимаешь, что речь идет о химере?

– Кому ты это говоришь? Я уже который год вырезаю этих тварей по всему сектору.

– Но не Черного Дьявола. Эта тварь представляет угрозу всему Альтаиру. Высший приоритет.

– Мне насрать. На тебя, на приоритеты и весь Альтаир. У меня с этой тварью свой разговор.

– Но я не могу отправить тебя одного. Хватит считать себя бессмертным.

– Мы так не договаривались.

– С тобой отправится наблюдающий от Департамента. Это приказ, Восьмой. Я должна убедиться, что все пройдет нормально.

– Данные, Кира. Дай мне данные по химере и можешь хоть всю королевскую рать мне на шею повесить.

– Информация передана наблюдающему. Встретишь его у

выхода в восьмой сектор.

Я встал из-за стола и пошел к дверям. Уже схватившись за ручки, замер от слов высшего инквизитора.

– По поводу нашей второй договоренности. Одно посещение центра в месяц. Считай, что в этом месяце в центре ты уже побывал.

– Стерва, – ответил я.

– Что ты сказал? – снова взбеленилась она. – Я могу отправить тебя под трибунал прямо здесь и сейчас.

– Ага, как же. Кто тогда пойдет убивать химер, а? Много у тебя еще смертников в арсенале? И кто тогда станет подчищать за тобой все дерьмо, а?

– Восьмой, – прошипела Кирия.

– Двери открой.

Тишина длилась около пяти секунд. Затем щелкнули магнитные замки, и я молча вышел из зала. Быстрым шагом направился в сторону выхода из Департамента, так что конвой перешел на бег трусцой, чтобы не отстать.

Уже подходя к дверям, начал немного остывать. Надо отбросить эмоции и мыслить трезво. Я же даже не спросил про сраный черный ящик, но теперь это уже не важно. Столько лет поисков, и эта тварь наконец сама засветилась. Значит информация была верная, химера и впрямь залегла на дно в восьмом секторе.

Надо поторопиться, чтобы не потерять эту ниточку. Еще пять лет поисков я могу и не потянуть. Здоровее не станов-

люсь, как ни крути, а время берет свое. И оно играет не на моей стороне.

– А я думаю, откуда так дерьмом тянет, – раздался голос за моей спиной. – А это восьмерочки помои привезли.

Я медленно обернулся, чувствуя, как начинаю закипать. Не сейчас, восьмерка. Не когда ты стал так близок к цели.

– Фрост, – произнес я самым презрительным тоном, на какой был способен.

– Старший инквизитор Фрост, – поправил меня мужчина. Высокий статный инквизитор с длинными пепельными волосами, уложенными назад, стоял посреди холла и надменно смотрел в мою сторону. За его спиной я заметил еще двоих прихвостней. Вся троица одета в белоснежные инквизиторские шинели, лица чистые, гладко выбритые. Местная аристократия.

– Я уж думал, ты сдох давно, Фрост. На карандаш глазом упал или там пылью кабинетной задохнулся.

– А я думал, что твои расчленённые внутренности дожирают Ночные Псы. Но видимо даже они таким брезгуют.

– Заглядывай в гости, Фрост. С радостью проведу тебе экскурсию по восьмому сектору. Там много сточных ям и мусорных куч. Тебе понравится.

– День, когда я посету эту помойную дыру станет для тебя последним, восьмерка.

– Ну ты уж поторопись тогда. А то я успею сдохнуть от старости.

Он что-то ответил, но двери главного входа надежно отсекали посторонние звуки. Чванливая скотина, так бы и придавил тварь. Медленно и с наслаждением. Жаль, не закончил начатое, когда была возможность. Но сейчас не до него.

Раз эта стерва не пустит меня в центр в этом месяце, то надо сразу закончить все дела здесь. В одном Кирия права. Далеко не факт, что в следующем месяце у меня снова получится попасть сюда. Если все пройдет по плану, то я вообще не сильно рассчитываю дожить до следующего месяца.

Это сейчас инквизиция Альтаира терпит мои замашки. У них есть парочка весомых рычагов воздействия на меня. Но это пока что. Если в восьмом секторе наконец-то объявился Черный Дьявол и если я смогу до него добраться, то многое изменится.

Им больше нечего предложить мне. Когда шейные позвонки химеры хрустнут в моих ладонях, пути назад уже не будет. Больше никаких угроз, увещаний и иных способов мотивации. Каждая восьмерка мечтает о лучшей жизни где-нибудь в ином месте.

Но только я мечтаю о лучшей смерти. А кому нечего терять, тем невозможно и управлять. И кому тогда будет нужен инквизитор, наделенный практически безграничными полномочиями, но не подчиняющийся приказам? Вот и им станет не нужен.

Но мне было на это плевать. О том, что будет после, будем думать после. Сейчас необходимо сосредоточиться на деле.

Все остальное вообще не имеет никакого значения.

Черная тень промелькнула где-то на периферии зрения. Я резко обернулся, но никого не увидел. Тут же тень мелькнула с другой стороны, но я снова не смог заметить ее. Вытащил бутылку браги, но та была пуста. Твою же восьмерочью мать.

Не к добру это все. Я ускорил шаг, направляясь в сторону выхода. Надо торопиться, пока незванный гость не обнаглел в край и не начал приближаться. Резко остановился на перекрестке, вспомнив о неоконченном деле. Срань. Время начало играть против меня.

Помявшись еще пару секунд, развернулся в сторону местного рынка. Другого шанса может и не быть, так что придется рискнуть. Впрочем, дел минут на двадцать. Вопрос только в том, сколько времени у меня осталось?

Но если черная тень уже начала мелькать где-то рядом, то значит немного. Я нутром чувствовал хищный взгляд моего преследователя. Чувствовал его голодный взор. Но сделать ничего не мог. Скоро он перестанет кружить вокруг да около, я знал это. Скоро мы с ним встретимся лицом к лицу. И лучше бы мне оказаться в этот момент в восьмом секторе.

Вопрос только в том, успею ли я?

Глава 7. Добро пожаловать в сектор «Восемь»

– Воздушные фильтры, дождевики, белковые смеси, витаминные комплексы в пилюлях. Так, вот комплекты чистой одежды. Что еще?

– Фильтры для воды, – ответил я.

– Точно. Фильтры для воды! – воскликнул торговец и потащил свое пухлое тельце обратно в подсобку.

Горка барахла росла прямо на глазах, и я не был уверен, что все влезет в громадный заплечный мешок. Так-то я со своим обычно приезжаю, но кто же знал, что в этот раз Кирья включит стерву.

Впрочем, не будь я в стельку, может и сообразил бы подыскать чего подходящего. Дерьмовый день стал естественным продолжением такого же дерьмового утра.

– Приветствуем вас на волнах радио «Чикибау», – раздался веселый голос из колонок новенького радиоприемника. – Как вам сегодняшняя погодка, а? Говорят, на улице сегодня жарышка, что камни плавятся. Если у вас в планах была прогулка по радиационным пустошам, то советуем запастись кремом от загара. А где его взять, спросите вы. А мы ответим. Да хрен его знает, в наше-то время. Мы тут думаем, чем бы желудок набить, а вы к нам со своим кремом прицепились. Нет у нас его. Зато знаете, что есть? Немного ядре-

ного соул-кантри рока от нашего бессменного диджея Майка. Хотите заценить? Не советую переключать волну. Да и куда вы ее переключите, тут же нет больше ни одного другого радио. Так что наслаждайтесь.

– Вырубил, а? – попросил я торговца, когда тот вернулся.

– Да ладно тебе. Все равно слушать больше нечего.

– Зачем вообще держать эти бесполезные коробки?

– Так новости, же, – пожал плечами торговец. – «Чики-бау» иногда рассказывают, что творится в других городах. И про Альтаир иногда говорят. А что еще делать? Да и музыка хоть какая-то.

– По мне так уж лучше тишина, – скривился я. – Леденцов отсыплешь?

– А как же? В этот раз поменьше. Не ждал я тебя так рано в этом месяце.

– Обстоятельства так сложились. Ну, сколько есть. А это что?

Торговец протянул мне какой-то прямоугольник. А затем достал сахарные леденцы на пластиковых палочках и принялся загружать покупки в сумку. Я понял, что держу в руках настоящую бумажную книгу в тонкой обложке.

Буквы стерлись, краска поблекла и местами осыпалась. Но все равно можно было разглядеть силуэт странного человека с мечом в руке. А рядом какое-то громадное существо.

– О короле чудовищ, – проговорил старик, пока я листал книжку. – И о храбром рыцаре, который с ним сражался и

победил.

– Хрень песья, – подвел я итог. – Сказка для детей.

– Ну так она и есть, – кивнул торгош. – Детишкам нравится. Я бы тебе загрузил целый коммутатор таких с цветными картинками, но ты все отказываешься.

– Коммутатор штука дорогая, – ответил я. – Еще и с батареей. Восьмерки и за меньшее глотки режут.

– Так берешь или нет?

– Беру, – кивнул я, кидая книжку в мешок. Затем приложил палец к считывателю, оплачивая заказ.

– Недостаточно кредитов, – ответил торговец, глядя в экран.

– Сраную восьмерочью мать, – выругался я. – Департамент еще не перевел оплату за месяц.

– Сочувствую. Но сам понимаешь, кредит я тебе не открою. Ты ведь и сам не знаешь, когда сдохнешь. Без обид.

– Без обид, – я пошарился по карманам. – Есть пороховые патроны на сорок пятый калибр.

– Пороховые патроны? – усмехнулся торговец. – И что мне с ними делать?

– Ну, вот еще.

Я выложил на стол пять маленьких ампул. Даже при свете дня можно было заметить исходившие от них легкое свечение.

– А это еще что такое?

– Эфир. Стабилизированный, десятипроцентная концен-

трация.

– И че мне с ним делать?

– Так энергия же, – я слегка удивился.

– Ты свои секторские замашки оставь, – отмахнулся торговец. – У меня честный легальный бизнес. Я слишком много сил вложил в этот магазинчик. И не собираюсь рисковать лицензией. Знаешь, как трудно попасть в центр? Так что только кредиты Альтаира.

– Убери тогда книжку и леденцы, – не стал спорить я, сгребая ампулы с эфиром.

– Книжка и леденцы – это подарок. Могу убрать витамины и часть фильтров.

– Нет, – отрезал я. – Витамины не трогай. Тогда половину одежды давай, половину дождевиков. Нет, все дождевики оставь себе. И фильтры понемногу.

– Хорошо. Сейчас сделаю.

Торговец ловкими движениями начал вытаскивать указанное из мешка и складывать отдельно. Мне хватило лишь на половину фильтров от изначального количества. Месяц будет крайне дерьмовым. Но это лучше, чем ничего.

– Счастливо, – кивнул мне торгош. Буду ждать тебя в следующем месяце.

– И тебе не сдохнуть, – ответил я, забирая покупки. – Или сдохнуть.

Зато все влезло. Пришлось ведь еще и на этот дерьмовый кусок брезента потратиться. Который он называет мешком.

Знал бы, свой приташил. Но в будущее смотреть я пока не научился, а алкоголь не сильно способствует рациональному мышлению.

Дорога до вокзала была куда короче. Возможно, это связано с тем, что никто меня не досматривал. Как обычно, все дерьмо Альтаира стекается в восьмой сектор. И делает это быстро и беспрепятственно.

– Инквизитор?

Я обернулся на тоненький голосок. Затем огляделся по сторонам на всякий случай. Нет, других инквизиторов тут нет. Ну что за невезение. Молча двинул дальше, не обращая никакого внимания на все вокруг.

– Инквизитор? – повторил голос мне в спину. – Я вас уже целый час тут жду. Что за безответственность? И почему вы не отвечаете на сообщения в коммутаторе?

Я остановился и обернулся. Что за дерьмовый день. Ну где я так провинился, а?

– Ты вообще что такое?

Обогнув меня, говорящее существо встало напротив, преграждая дорогу. Мелкая, хрупкая фигура в белой форме с шевронами младшего инквизитора на плечах. Копна ярко-красных волос. Зеленые глаза постоянно меняют форму и смотрят с вызовом. То ли смазливый пацан, то ли страшненькая девчонка.

Ну как страшненькая. Курносовая, веснушчатая, немного ребяческое лицо. Румяная кожа сразу выдает тепличного

жителя.

– Младший инквизитор Симонс, – пропищало существо. Понятней не стало. – Прибыла для выполнения функции наблюдателя центра и оказания помощи в выполнении задания.

– Помощи? – усмехнулся я. – Себе помоги для начала. Девчонка, значит.

Я оттолкнул тощую плечом и двинул в сторону входа в здание вокзала. Инсигнии на руке было достаточно, чтобы меня пропустили. Говорю же, попасть в восьмой сектор проще простого.

– Я не девчонка, – раздался писклявый голос мне в спину. – Я женщина. Мне двадцать один.

– Для женщины у тебя сисек еще маловато. И не звени, аж уши режет.

– Что за непозволительное...

Бла-бла-бла. Оно вообще не затыкается походу. Кирия – стерва. Не могла выделить кого-нибудь более молчаливого? Знала же, к кому отправляла свою шестерку.

Я зашел в вагон. Свободных мест в этот раз оказалось немного. Свежее мясо отправлялось в свое последнее путешествие. В воздухе витал запах страха и непонимания. У каждого входа и выхода по двое солдат, следящих за порядком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.